

Владимир Лучанинов

ЛЮДИ ГРУЗИНСКОЙ ЦЕРКВИ

Владимир Ярославович Лучанинов
Люди Грузинской Церкви.
Истории. Судьбы. Традиции
Серия «Планета Православия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11311009

Люди Грузинской Церкви: Истории. Судьбы. Традиции. / Лучанинов В. Я.: Нижея; Москва; 2015

ISBN 978-5-91761-403-8

Аннотация

Грузия – это слово струится солнечным светом, наполняя сердце теплом и радостью. Семнадцать веков христианской традиции и православной культуры, семнадцать столетий героической истории. Страна мучеников и преподобных, страна гостеприимных и жизнерадостных людей. Свою веру они обретали среди пустот советского атеизма, под пулями и снарядами войн и междоусобиц. Эта книга о современной Церкви в историях людей Грузии.

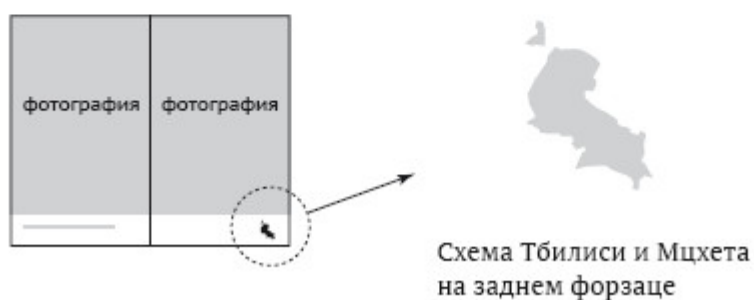
Содержание

От автора	5
Грузинская Православная Церковь: краткая справка	7
Митрополит «грузинской Сибири»	10
Есть ли жизнь после смерти?	11
...Ожидая, когда откроется смысл	15
«Согрешил по всем заповедям»	17
Не до кино	20
«По стопам святой Нины» – Евангелие оживает	25
Священник на войне	32
«Архиерея должны любить»	35
«Четыре времени 2008 года»	39
«Подняться над заборами, закрывающими небо»	40
Моя благородная Хевсуретия	41
Настоящая интеллигенция	45
Чурчела на пятьдесят детей	47
Возвращение к корням	50
Ахалкалаки	51
«Отче наш» как образ жизни	55
Готовы ли мы к свободе?	58
«Gotta serve somebody» [28]	60
Третьего пути нет	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Владимир Лучанинов

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р14-418-1608

В книге использованы фотографии Юлии Маковейчук, Евгения Глобенко, Владимира Лучанинова, Aerialphoto, а также фотографии из личных архивов героев и из фотобанка Shutterstock

От автора

Так сложилось, что до той удивительной поездки, послужившей основой для книги, в Грузию я не бывал. И на каких же основаниях, законно спросите вы, человек, не будучи профессиональным журналистом, побывавший в стране всего-то однажды, станет о ней рассказывать? Я постараюсь это обосновать, но чуть позже. А сейчас попробую ответить самому себе на вопрос более путаный: до Грузии я вообще не бывал ни в какой стране мира, кроме своей собственной, и почему-то все эти сотни невиданных стран и тысячи городов никогда особенно не пленяли моего воображения. Успеется еще, думал я, если Богу будет угодно. Но с Грузией изначально все складывалось иначе: каким-то странным образом с раннего детства дух Сакартвело¹ влек меня к себе.

И позже, когда Бог помог мне найти самого себя, я понял, что теперь сроднился и с Ивенией в лоне единой Соборной и Апостольской Церкви. Впрочем, чувства эти не побуждали к каким-либо действиям. Я просто жил, лишь изредка думая об уделе Пресвятой Богородицы, почитал святую Нину, ибо так зовут мою маму, так же звали моих бабушку, прабабушку и в придачу еще двух бабушек моей жены. Но было и предчувствие, что все эти разрозненные грузинские штрихи существуют в палитре моих ощущений для написания какой-то картины. Поэтому, когда вместе с коллегами в издательстве мы обсуждали идею книжной серии, посвященной современной жизни верующих разных Поместных Православных Церквей, я неожиданно для себя попросил: «Отпустите меня в Грузию, пожалуйста!»

Ну, меня и отпустили...

А теперь, наверное, пришло время ответить на вопрос, от которого я уклонился в самом начале: на каком, собственно, основании? Дело в том, что в этой книге собраны истории жизни наших современников: грузинских митрополитов, священников, монахов и мирян. И мне посчастливилось не только взять интервью, но и подружиться с большинством этих людей. Когда я просил моих героев рассказать о жизни, традициях и их личных путях к Богу, я не просто выполнял редакционное задание, но и собирал в самом себе те самые штрихи в единую картину, желая понять этих людей, стать к ним ближе. И еще осмелюсь предположить: будь на моем месте маститый специалист – искушенный богослов или историк, – возможно, ему не удалось бы внести в книгу ощущение непосредственности первых открытий...

Но это я пишу сейчас, а тогда, неожиданно получив законное право на поездку, я, в общем-то, совсем не представлял, что делать дальше. Но все устроил Господь. К этому времени мы познакомились с Кириллом Черноризовым: сначала он был другом нашего родственника, потом стал нашим другом, а позже и нашим родственником – недавно я стал крестным его сына Ефрема. Кирилл женат на прекрасной молодой женщине, зовут ее Ана Пачуашвили. Их любовь – это отдельная остросюжетная история, к счастью, вошедшая в эту книгу. Благодаря Кириллу и Ане в Грузии я познакомился с большинством тех самых прекрасных людей, рассказывать о которых в предисловии было бы едва ли уместно, ибо сами они расскажут о себе на страницах этой книги.

А уместно, видимо, сказать несколько слов о той самой «картине», которая сложилась в моем сердце. Если совсем кратко, можно описать ее тремя словами: Грузия – евангельская страна. Не подумайте, я вовсе не наивный романтик и отдаю себе отчет, что абсолютно в любой стране среди христиан достаточно проявлений далеко не евангельского духа. Но я свидетельствую о той Грузии, которую имел счастье увидеть через людей и в людях, через их любовь к Христу, к Предстоятелю своей Церкви и друг к другу.

¹ Сакартвело – национальное название Грузии, букв. – «место, где живут грузины (картвелы)».

Думаю, что в этой книге наша идея рассказа о Поместных Церквях через человеческие судьбы всецело доказала свою состоятельность. А в случае с Грузией есть еще важное обстоятельство: необходимо осознать, что начиная с XVIII века и вплоть до сегодняшнего дня истории наших стран и Церквей сплетены очень и очень тесно. Часто то, что происходит в России, так или иначе отражается в Грузии, и нередко эти отражения становятся для Иверии крайне болезненными. И за судьбами этих христиан – добрых, сильных, прошедших войны, умеющих любить несмотря ни на что, – стоит нечто важное – то, что на пути к взаимной любви и единству необходимо осмыслить нам вместе. Это история глазами людей, имеющих к ней прямое, а не косвенное отношение, история, пропущенная через их собственную боль и веру.

Грузинская Православная Церковь: краткая справка

Грузинская Апостольская Автокефальная Православная Церковь является неотъемлемой частью Вселенской Православной Церкви и находится в догматическом единстве, каноническом и литургическом общении со всеми Поместными Православными Церквями.

Начало христианской жизни в Грузии было положено еще в апостольские времена. Весть о Христе несли сюда прямые Его свидетели, среди которых были апостолы Андрей Первозванный, Симон Кананит и Варфоломей. В Предании Грузинской Церкви святой Андрей Первозванный чтится первым епископом Грузии, хранится память и о том, что отправила апостола на проповедь в Иверию сама Пресвятая Богородица.

Уже в IV веке восточно-грузинское царство Картли официально принимает христианство. Крещение Грузии в 326 году, в правление царя Мириана, связано с проповедью святой равноапостольной Нины, пришедшей в Грузию из Каппадокии. О деятельности Нины упоминается не только в агиографических произведениях, но и во многих греческих, латинских, грузинских, армянских и коптских исторических источниках.

Начиная с V века независимая Грузия, находящаяся в эпицентре противостояния Византии и Персии, постоянно подвергается опустошительным нападениям персов, за отказ отречься от Христа принимают мученическую кончину цари, священнослужители и миряне.

В то же время с ранних веков Церковь Грузии принимала участие и в утверждении вероучения: грузинские епископы присутствовали уже на Третьем и Четвертом Вселенских Соборах. Все последующие века грузинские богословы, находящиеся на границе разных культур и религий, вынуждены были вести активную полемику, отстаивая православное учение Церкви.

В правление царя Вахтанга Горгосали (446–506) Грузинская Церковь, ранее являвшаяся частью Антиохийской Церкви, получает автокефалию (независимость), во главе иерархии ставится архиепископ с титулом Католикос. Из Каппадокии в Грузию приходит святой подвижник преподобный Иоанн, прозванный в дальнейшем Зедазнийским, со своими двенадцатью последователями; его ученики не только утверждают в Грузии монашескую традицию, но и приносят миссию христианской проповеди в города и села, строят храмы и монастыри, учреждают новые епархии.

Этот период расцвета сменяется новым периодом мученичества: в VIII веке в Грузию вторгаются арабы. Но духовный подъем народа невозможно было сломать, он проявлялся в национально-созидательном движении, вдохновляемом не только царями и патриархами, но и подвижниками-монахами. Одним из таких отцов был прп. Григорий Хандзтийский.

В X–XI веках начинается период церковного строительства и развития гимнографии и искусства, на Афоне основывается Иверский монастырь, благодаря старцам и насельникам этой обители греческая богословская литература переводится на грузинский язык.

В 1121 году святой царь Давид Строитель, уделявший большое внимание церковному устройству и получивший поддержку от Церкви, с войском одержал победу над турками-сельджуками в Дидгорской битве. Этой победой завершается объединение страны и полагается начало «золотому веку» грузинской истории.

В это время активная деятельность Грузинской Церкви разворачивается за пределами государства, на Святой Земле, в Малой Азии и Александрии.

В XIII и XIV веках для христиан Грузии начинается новый период испытаний, теперь под натиском монголов. Хан Джелал ад-Дин, завоевав Тбилиси, буквально залил его кровью, были осквернены и разрушены монастыри и храмы, мученическую кончину приняли тысячи

христиан. После набегов Тамерлана исчезали уже целые города и епархии; по свидетельствам историков, убитых грузин было значительно больше, чем оставшихся в живых. При всем этом Церковь не была парализована – в XV веке на Ферраро-Флорентийском Соборе присутствовали митрополиты Григорий и Иоанн, они не только отказались подписать унию с католичеством, но и открыто выступили с обличением его отклонения от соборного учения Церкви.

В 80-е годы XV века объединенная Грузия распалась на три царства – Картли, Кахети и Имерети. В состоянии раздробленности под постоянными ударами Персии, Османской Империи и набегами дагестанских племен Церковь продолжала нести свое служение, хотя делать это становилось все сложнее.

Завоеванная в XVI веке Османской империей юго-западная часть Грузии насильно исламизировалась, исповедание христианства жестоко преследовалось, все епархии упразднились, а храмы перестраивались в мечети.

Опустошительным для Грузии стало и XVII столетие, «век царских мучеников и множества убиенных». Карательные походы персидского шаха Аббаса I были направлены на полное уничтожение Картли и Кахети. В это время было убито две трети грузинского населения.

Количество епархий сократилось еще сильнее. Но Грузия продолжала находить в себе силы для сопротивления, а Церковь в лице Католикоса и лучших епископов призывала царей и народ к единству. В 1625 году полководец Георгий Саакадзе разбил тридцатитысячную армию персов. Именно в этот период понятие «грузин» становится равным понятию «православный», а перешедших в ислам грузинами больше не называли, их звали «татари».

В эти сложные годы как государственные деятели, так и иерархи Церкви искали поддержки у достигшей могущества православной Российской Империи. Активные переговоры в Петербурге вел Католикос-Патриарх Антоний I (Багратиони).

В 1783 году на Северном Кавказе был подписан Георгиевский трактат, по которому Грузия в обмен на поддержку России частично отказывалась от внутренней независимости и полностью от самостоятельной внешней политики.

Бесконечные удары Персии и Турции хоть и не подавили, но во многом парализовали интеллектуальную и социальную жизнь Церкви – не было больше возможности поддерживать принадлежащие Грузии духовные центры как в самой Грузии, так и на Афоне и Святой Земле. Не функционировали учебные заведения, большое число духовенства было физически уничтожено. Но в то же время духовная жизнь не оскудевала – в монастырях Грузии подвизалось множество преподобных отцов – исихастов.

В 1811 году, в рамках активной политики по введению Грузии в состав Российской Империи, где Церковь уже сто лет находилась в подвластном государству положении, а патриаршество было упразднено, потеряла свою свободу и автокефалию и Грузинская Церковь. На ее территории был учрежден Экзархат, статус Католикоса умалился до экзарха (архиепископа Картлийского и Кахетинского), со временем экзархи стали поставляться из числа русского епископата.

Это был неоднозначный период для Грузинской Церкви. С одной стороны, прекратились карательные походы воинственных соседей-мусульман, были восстановлены учебные заведения, духовенство стало получать жалованье, была организована миссия в Осетии, но в то же время Грузинская Церковь оказалась полностью подчиненной Российскому Синоду и политике Империи, четко направленной на всероссийскую унификацию. В это время из грузинского обихода начинают исчезать богатые древние традиции гимнографии, иконописи, церковного искусства, сходит на нет почитание многих грузинских святых.

После февральских событий 1917 года, в марте, в Светицховели состоялся Собор, на котором была провозглашена автокефалия Грузинской Православной Церкви; чуть позднее,

в сентябре, Патриархом был избран Кирион III. А уже в 1921 году в Грузию вошла Красная Армия и была установлена советская власть. Для Церкви, представителей духовенства и верующих людей на всей территории Советского Союза начались испытания и репрессии. Храмы повсеместно закрывались, исповедание веры преследовалось советским государством.

В сложное для русских и грузин время, среди репрессий, разрухи и бедствий, в 1943 году Поместные Русская и Грузинская Церкви восстанавливают евхаристическое общение и доверительные отношения.

В 1977 году патриарший престол в Грузии занял Католикос Илия II. Его активное служение, привлечение в ряды священнослужителей и монашествующих молодую грузинскую интеллигенцию, пришлось на годы падения Советского Союза, обретения независимости Грузией, на череду братоубийственных войн и вооруженных конфликтов.

В настоящее время в Грузии насчитывается 35 епархий с правящими архиереями, по всему миру в грузинских приходах возносится молитва Богу. Патриарх, как и лучшие его предшественники в истории, все испытания прошел вместе со своим народом, чем заслужил неслыханный авторитет в Грузии.

Митрополит «грузинской Сибири»

Николай (Пачуашвили), митрополит Ахалкалакский и Кумурдойский, управляющий грузинскими приходами в Южной Америке

Живописная и долгая дорога из Тбилиси в Ахалкалаки. Заметно свежеет. С наступлением вечера горные ущелья, зеленые луга, белые стада и все идиллические пейзажи сжимаются до скудного, выхваченного фарами из непроницаемого мрака кусочка асфальта. Дома и заборы, резко вылетающие из темноты, кажутся недружелюбными. До города еще двадцать километров, небо стреляет мокрым снегом в лобовое стекло. Джавахети... Эту местность называют «грузинской Сибирью». Действительно, после солнечного, светлого и шумного даже ночью Тбилиси-слишком уж контрастно. Ахалкалаки ночью спит, повсюду темно. Но большие окна дома митрополита Николая оказывают чарующее воздействие: яркий свет, загадочные предметы на подоконнике, веет спокойствием, уютом и теплом – хочется скорее оказаться внутри.

Сам дом и открытый внутренний дворик походят больше на музей, чем на резиденцию архиерея. Сюда могут прийти все желающие, любой может посмотреть диковинные экспонаты, картины, старые изделия из дерева, керамики и металла. В городе действует ремесленная школа-на случай, если кто-нибудь вдохновится творческой атмосферой, царящей в доме неординарного владыки. О его миссионерской деятельности неоднократно писали в России, но жизненная история этого удивительного человека, конечно, гораздо шире описания его пастырского и миссионерского опыта. И особенно ценно, что имя митрополита Николая тесно связано с историями прихода к вере других героев этой книги. В неразрывном слиянии жизней и служения, жатвы и плодов будто бы звучат слова апостола Павла: «Печать моего апостольства – вы в Господе» (1 Кор. 9:2).

Владыка встречает нас радушно и в то же время как-то по-деловому. Он вообще человек основательный. Комнаты готовы, ужин тоже, сложно представить, что он способен о чем-нибудь забыть. Он начинает свой основательный рассказ...

Есть ли жизнь после смерти?

Я родился в Тбилиси. В моей семье не было особых христианских традиций; единственное – мы яйца красили на Пасху. Пожалуй, все. Храма поблизости тоже не было. У нас во всей Грузии действовало тогда пятьдесят храмов, и в таком состоянии Церковь находилась до начала восьмидесятых.

По отношению к советской действительности общество, можно сказать, делилось на две части. Одни боялись и ждали каких-то житейских поблажек от власти, и поэтому старались держаться соответственно; такие семьи, например, на парады ходили, первого мая стол накрывали. Но среди большинства населения это не считалось хорошим тоном. Идейных комсомольцев и коммунистов я увидел впервые в Москве в период учебы, чему был очень удивлен – я думал, везде так, как у нас: никто не воспринимает всерьез государственную идеологию. Оказалось, что нет...

А я с детства имел стремление к познанию. Видимо, искал смысл. Родители не мешали моим поискам и всячески поддерживали меня. Мама всегда старалась мне все подробно разъяснять, а я не удовлетворялся простыми ответами с самого детства. На каждый ответ я еще сильнее углублял свое «почему?». Родители не ограничивали меня в познании, поэтому, я думаю, у меня была возможность свободно развиваться.

Я много читал. Помню, к окончанию первого класса, в последний учебный день, я заодно закончил книгу «Таинственный остров» Жюль Верна. В пятом классе, летом, я так увлекся, что за три дня прочитал «Графа Монтекристо», от начала до конца. С большим интересом читал все, относящееся к естествознанию. В пятом классе я принял твердое решение стать физиком.

Стало ясно – необходимо переводиться в физматшколу, она в Тбилиси была к тому времени очень сильная. Чтобы туда поступить, нужно было сдать серьезные вступительные экзамены. Но я туда все-таки поступил, после седьмого класса. В этой школе впервые появились одноклассники, более способные, чем я. Это было новым ощущением. Например, одна девушка так быстро решала задачи, что за ней было не угнаться. Но от этого интерес к учебе только возрастал!

В общем, все складывалось замечательно, но вдруг в девятом классе, на обществоведении (тогда это был экспериментальный предмет), учительница сказала, что человек после смерти исчезает. Исчезает, и все... Почему-то именно тогда меня это очень сильно задело. И я с головой погрузился в этот вопрос. Старался размышлять последовательно, как физик. Во-первых: откуда это известно? Где необходимые факты для такой убежденности? А во-вторых, я исходил из внутреннего ощущения: как это так – не будет? Ведь сейчас я существую, чувствую, мыслю, и вдруг меня не станет совсем?

Тбилиси. Кафедральный собор Цминда Самеба

Задавал свои вопросы учителям – бесполезно; обратился к родителям, но они мне отвечали в таком роде, что я не совсем исчезну, а буду жить в памяти других людей. Но и такое странное объяснение меня совсем не устраивало. Мы с одноклассниками всегда много спорили о научных проблемах, а когда появился новый предмет для споров – жизнь после смерти и вера в Бога, – все с удовольствием подключились. А я в своем поиске дошел до серьезных вопросов, как потом выяснилось – философских: если точно известно, что меня через какое-то время не станет, нет никакого смысла в жизни. Тогда лучше уйти прямо сегодня и сейчас. Умру ли я через десять лет или через пятьдесят – разницы нет, жизнь бессмысленна. Но если после смерти нет ничего, то кто определит значение добра и зла? В науке есть аксиомы, которые недоказуемы, и на них основаны теоремы. Если изменить даже одну аксиому, изменится вся теория. Если нет абсолютной истины, то есть Бога, и человек про-

сто исчезает, значит, нет объективного суда человеческой жизни. Некому устанавливать, что есть добро и что есть зло. Эти понятия становятся относительными. Получается, принять за аксиому, что именно есть добро и что есть зло, зависит только от конкретного человека или группы людей. Это меня не устроило, и я пошел по обратному пути: я точно знал, что добро – это хорошо, а зло – это плохо, что добро и зло имеют абсолютное значение, следовательно, жизнь после смерти должна продолжаться. Отсюда я понял, что существует Бог, оценивающий результат наших жизней. Я сказал себе, что есть Бог.

...Ожидая, когда откроется смысл

После школы появилась возможность читать больше, и я принялся за поэзию, отыскивая образы неземной жизни. Сначала я поступил в Тбилисский государственный университет² (тогда он был один), а после окончания третьего курса перевелся в МГУ на физический факультет. Уезжая учиться в Москву, я взял из дома семейную книгу – это было Евангелие на старогрузинском языке.

Я решил, что образованный человек (а я очень хотел быть таковым) обязательно должен знать Евангелие, независимо от того, собирается он жить по-церковному или нет. В Церкви тогда не было ничего привлекательного для молодежи. Мы были уверены, что все священники – сотрудники КГБ. А информации изнутри просто не было. Я, например, не знал ни одного человека, ходящего в церковь.

Начал читать Евангелие. Чтение было сложным, а мое решение – твердым, я составил себе график – читать каждый день по две главы: первая – повторение вчерашней, вторая – новая. Вышло, что я наложил на себя первое духовное правило. Я и сейчас, кстати, советую Евангелие читать именно так. Правда, сейчас есть много толкований и комментариев к библейским текстам, а тогда ничего такого не было.

Позже, в Москве, один мой друг дал мне совет: останавливаться на неясном фрагменте, каждый день его повторять, и через какое-то время смысл обязательно откроется. Он подарил мне Евангелие от Иоанна отдельной книгой. Неясность там была в самом начале, я стал заучивать и повторять: «В начале было Слово...», ожидая, когда откроется смысл. С тех пор прошло более 30 лет...

Потом, опять же из культурных соображений, я решил, что необходимо разобраться, что происходит на пасхальной службе. Приехал в Елоховский собор, подошел к священнику и сказал: «Здравствуйте! Я очень хочу попасть на пасхальную службу. Вы можете мне помочь?» Он удивился, но сказал: «Подождите», – после чего вынес мне два пропуска на богослужение. Я уговорил моего друга пойти вместе со мной на пасхальную службу.

Это был 1983 год. Поскольку я понимал, что служба поздно заканчивается и, возможно, придется ждать открытия метро, то решил взять с собой что-нибудь съестное. Зная, что идет Великий Пост, рассчитывая угостить людей, набил сумку постными продуктами – лобio и солеными огурцами. Так и не пригодилась тогда моя сумка, к тому же сейчас-то мне ясно, что никто не захотел бы после пасхальной службы на лобio даже смотреть!

Дальше события стали развиваться более стремительно. Я женился, но продолжал учиться в Москве, а супруга Нино училась в Тбилиси на психологическом факультете, и первый год после нашей свадьбы она жила в доме моих родителей. Сестра моя стала воцерковляться, и они договорились с моей женой вместе поститься. Когда заявили о своем намерении моей маме, она испугалась: «Что вы такое наделали? – говорила она. – Чем согрешили, что собрались поститься?» Она подумала, что вместе они сделали что-то страшное, пока я был в Москве...

Потом супруга окончила университет, а мне еще год учебы оставался, она приехала в Москву, и мы с ней стали снимать квартиру. И Нино осторожно и деликатно стала и меня уговаривать, чтоб я начал поститься по средам и пятницам³. Я сказал, что ради нее готов на

² Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахашвили, старейшее и крупнейшее высшее учебное заведение Грузии, основано в 1918 году.

³ Традиция соблюдать пост каждую среду и пятницу берет свое начало с апостольских времен. Как уже существующая практика христианских общин, это предписание содержится в письменном памятнике «Дидахе» («Учение о двух путях»), происходящем из Александрийского региона (конец I – начало II в.). Практически во всех Поместных Православных Церквях эта традиция воздержания бережно сохраняется.

все, только не понимаю одного – почему Бог должен радоваться тому, что я голодаю? Тем более после грузинской кухни казалось, что в Москве кроме мяса нет ничего вкусного (я так и питался – три раза в день мясо). Ну хорошо, думал я, откажусь от мясного – и что тогда буду есть? Как заяц, только морковку и капусту? Но жена старалась, придумывала разнообразные блюда, и я все-таки решил себя испытать.

А позже, убирая нашу съемную квартиру, в шкафчике хозяйки мы обнаружили старинную икону. Я не помню точно, по-моему, это был образ Спасителя. Мы оборудовали красный угол, как было принято в России, поставили туда икону. Но когда пришла хозяйка, она жутко испугалась! Время же было советское. Мы, конечно, как могли, пытались успокоить женщину, стали упрасивать ее продать нам эту икону, но она ни в какую не соглашалась.

И нам с супругой очень захотелось иметь свою икону, а мы тогда от кого-то слышали, что иконы можно только дарить или принимать в дар, такое вот бытовало суеверие, но мы все-таки решили купить, раз никто не дарит. Специально поехали в Сергиев Посад в надежде купить Иверскую икону Пресвятой Богородицы, хотя и не знали ничего об истории этого образа. Иверской не было, но нам очень понравился один образ, и мы его купили. Это оказалась Владимирская икона Божьей Матери. До сих пор она стоит у нас дома, выцвела совсем – первая икона, которая пришла в нашу семью.

В 1985 году я окончил МГУ, мы вернулись в Грузию, и я решил поступить в Тбилисский театральный институт. На специальности «анимация» руководителем группы был один из выдающихся режиссеров и актеров – Гела Канделаки⁴, и, конечно, мне очень хотелось учиться у него, тем более к тому времени я уже успел с ним познакомиться. Но в приемной комиссии наотрез отказались принимать документы: по советскому законодательству должно было пройти три года после окончания вуза, чтоб поступать на второе высшее; к тому же абитуриент должен представить серьезные обоснования своих намерений. Ректор отказалась пойти навстречу, а Гела Канделаки сказал: «Тебе ведь не диплом нужен, а знания – вот и приходи на все занятия». И я приходил, так неофициально учился целый год. А потом неожиданно ректор института Этери Николаевна Гугушвили сказала мне: «Подайте документы, мы вас сразу на второй курс зачислим без экзаменов». Это было невероятно! Правда, всего через год мне пришлось говорить ей, что я бросаю Театральный и иду учиться в Духовную академию. Кстати,⁴ и она, и Гела положительно отнеслись к моему решению. Можно сказать, напутствовали меня светским благословением. А через некоторое время воцерковились и он, и она. Она приходила ко мне на исповедь, причащалась. Сейчас ее уже нет в живых.

⁴ Канделаки, Гела Ираклиевич – выдающийся актер, драматург и режиссер. Окончил Тбилисский театральный институт, мастерскую Михаила Туманишвили, приобрел всесоюзную известность в 1971 году после исполнения главной роли в известном фильме Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд». Работал в сфере анимации, документального и художественного кино, с 1983 года – заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, в настоящее время является директором и художественным руководителем Театра теней рук «Будругана Гагара» в Тбилиси.

«Согрешил по всем заповедям»

Но все это было позже, а тогда, в годы моего студенчества, люди все чаще и с большим интересом говорили о грузинском Патриархе Илие II, и многие из моих однокурсников ходили в церковь специально, чтобы слушать его понятные и живые проповеди.

Пастырская активность Патриарха приносила свои плоды: из-под его руководства выходили яркие молодые священники, вокруг которых собирались активные приходы. Тогда подобное казалось немыслимым, ведь было еще советское время! И один из этих отцов по вечерам, после службы, проводил с людьми беседы о Евангелии. Убедившись, что давить на меня не будут, я решил пойти послушать. Беседы оказались достаточно интересными, но многие вещи остались неясными, священник постоянно говорил про каких-то святых отцов, но так ни разу и не объяснил, кто это такие. Но я все равно очень заинтересовался и вдохновился.

В это время начинался Великий пост, я решил, что буду стараться его соблюдать. Выдержал. Но когда пост подходил к концу, сестра ненавязчиво заметила, что дело необходимо довести до конца: нужно исповедаться и причаститься.

«Как исповедоваться? – думаю. – Наверное, по десяти заповедям». Прочитал их внимательно и решил: скажу, что согрешил во всем.

Утром позавтракал я хорошенько и пошел в церковь, где служил священник, который венчал нас с Нино. Это был единственный священнослужитель, с которым мне прежде приходилось разговаривать. Бабушки подходили к нему на исповедь, а он ругал их без остановки.

«Если он *их* ругает, – думаю, – что же со мной будет?»

Подхожу и говорю:

– Я в первый раз исповедуюсь, во всех десяти заповедях согрешил.

Он испугался, быстро прочитал разрешительную молитву, ничего у меня не спросил:

– Давай, – говорит, – иди, причащайся.

В общем, так я в первый раз и причастился...

Через какое-то время я задумался о духовном наставнике. Сложно было определиться, я знал точно лишь то, что не пойду к духовнику сестры, просто потому, что у нас не может быть одного духовника – настолько мы с ней разные. После долгих раздумий я выбрал будущего митрополита Даниила (Датуашвили), тогда он был еще молодым священником – отцом

Давидом. Я даже не знал, как он выглядит, только был о нем наслышан, но интуитивно чувствовал, что мне подходил только он.

Исповедуясь ему, я называл все свои грехи, что было очень трудно. Отец Давид слушал внимательно и, к моему удивлению, ничего не говорил. Когда я закончил, он спросил, бываю ли я на литургии.

– Вообще-то я захожу в церковь, конечно, но редко. А так, чтоб регулярно – нет.

– Если хотите быть христианином, – ответил он, – нужно посвящать богослужению вечер субботы и воскресное утро. Без этого христианства нет и быть не может.

Эти слова меня шокировали! Я думал, что христианство – это нравственная жизнь и вера в Бога, а оказывается, главное – богослужения посещать.

– Ну как, хотите быть христианином? – переспросил отец Давид.

– У меня один только воскресный день и есть для отдыха, все остальное время я учусь и работаю. А если я в храм ходить начну, что мне остается? Ну, если Вы говорите, что это и есть христианство, тогда, конечно, я хочу быть христианином.

Я пообещал прийти в следующее воскресенье, пришел только через три недели, но после уже не пропускал практически ни одной воскресной службы, вплоть до сегодняшнего дня.

Не до кино

Все это происходило в 1987 году. Тогда же я пошел преподавать в школу физику, потому что хотел осуществить один проект. Дело в том, что еще со времени учебы в Москве на физфаке у меня была мечта стать кинорежиссером. Мне посчастливилось познакомиться с очень интересными людьми: киноведом Ириной Гращенковой, Романом Яковлевичем Гузманом – педагогом, психологом и искусствоведам и с Ильей Вениаминовичем Вайсфельдом, председателем Совета по кинообразованию при Союзе кинематографистов. Они через просмотры фильмов и их обсуждение развивали подростков. Я настолько был впечатлен, что организовал собственный кино клуб в студенческом общежитии МГУ, придумал логотип, на доске объявлений размещал приглашения. В основном мы ходили в фильмотеку на Кропоткинской и в кинотеатр «Иллюзион», смотрели, допустим, «Репетицию оркестра» Феллини, венгерское кино и другие интересные фильмы. Наука меня интересовала, но перспектива всю жизнь сидеть в лаборатории – не очень; влекла общественная деятельность.

И поэтому в Тбилиси я возвратился с рекомендательным письмом от моих московских знакомых. Режиссер Эльдар Шенгелая⁵ был первым секретарем правления Союза кинематографистов Грузии, я пришел к нему, но он оценил мое стремление скептически:

– Что ты хочешь? Зал? Пожалуйста. Фильмы? Пожалуйста. Бери, делай. Лишь бы люди пришли...

В Москве самое сложное было – найти фильмы и зал; желающих было много. А в Тбилиси у меня все наоборот – кого приглашать? Честно говоря, я и в среднюю школу-то пошел работать учителем физики, чтобы осуществить этот замечательный план. Но мне попались крайне сложные, трудновоспитуемые ученики – с этим классом не хотели работать другие учителя, и меня отправили к ним как бы на испытание. Так что у меня проблемы были, действительно, серьезные, и точно уж было не до кино. Естественно, проект пришлось отложить⁶.^{5 6}

Но благодаря этим самым проблемам я практически каждый день обращался за советом к духовнику, приходил в храм. Вместе с отцом Давидом мы решали возникающие вопросы, и через это сблизились. Я целиком положился на Господа, глубоко веря, что в затруднительных ситуациях надо помолиться от всего сердца и все ответы искать у Бога.

В 1988 году, по благословению Патриарха, в Тбилиси открылась Духовная академия, после длительного перерыва у нас возобновилось высшее духовное образование (в XIX – начале XX века была только Духовная семинария). Отец Давид посоветовал мне поступить в Академию. До результатов вступительных экзаменов я никому ничего не говорил, а когда меня зачислили, пришлось сказать домашним, и начались сложности... Во-первых, пришлось долго объяснять, что Академия – это не семинария. «Семинария» в Грузии тогда

⁵ Шенгелая, Эльдар Николаевич – выдающийся режиссер, сценарист, педагог, окончил режиссерский факультет ВГИКа, работал на студиях «Мосфильм» и «Грузия-фильм», с 1988 года – народный артист СССР. В 90-х годах вел активную политическую деятельность, с 1990 года – депутат Верховного Совета Грузии. В 2009 году награжден орденом Победы имени Святого Георгия.

⁶ Уже позже, став архиереем, владыка Николай продолжил осуществлять проект своей молодости: «Мы с подростками из прихожан стали собираться вместе и смотреть фильмы: сначала 20-минутная лекция об авторе, потом совместный просмотр и обсуждение. Сейчас мы занимаемся и с подростками, и со студентами. В этом году мы организовали цикл кинопросмотров в местах лишения свободы. В одной женской колонии происходило вообще что-то невероятное: мы смотрели и обсуждали фильм Федерико Феллини „Ночи Кабирии“; женщины вставали и, как в древней Церкви, прилюдно исповедовались. Для заключенных, думаю, такая форма помощи – посеять верные евангельские мысли – лучшая из возможных, ведь у отбывающих заключение людей есть время осмыслить увиденное и услышанное. Здесь у нас в Ахалкалаки проходят магистерские курсы для священнослужителей. И я священникам рассказываю о нашем киноопыте; очень надеюсь, что кто-нибудь из них продолжит эту миссию».

было очень плохим словом, фактически ругательным. Семинарии ассоциировались с безнравственностью, лицемерием и КГБ; это был результат советской атеистической пропаганды. Родители сильно переживали еще и потому, что сестра накануне бросила хорошую работу в Археологическом центре по специальности «химик» и ушла в швейную мастерскую при Патриархии.

Жена с сестрой поддержали меня, а мама сказала:

– Забирай свою семью и уходи куда хочешь! Как хочешь, так и живи!

– Хорошо, – ответил я.

– Ты семью оставь, а сам убирайся, – сказала она на следующий день.

На третий день мы договорились. Я пообещал, что в свободное от учебы время буду зарабатывать на семью и ребенка. Это оказалось непросто: я подрабатывал репетитором, а средств все равно не хватало, и все мы вместе, по большей части, жили на зарплату моего отца. Наши протестующие родители основательно нам помогли – без их помощи, конечно, я не стал бы священнослужителем.

Митрополит Даниил (Датуашвили) с бизнесменом и общественным деятелем Леваном Васадзе

А в Академии царила необыкновенная атмосфера. Святейший передал свою богатую книжную коллекцию в академическую библиотеку, лично принимал экзамены, сам разработал форму одежды – элегантный черный костюм с белой сорочкой и с черным галстуком, а главное – практически каждый день у нас была возможность с ним общаться, он много нам рассказывал и привлекал интересных лекторов. Например, по вечерам у нас был факультативный курс по истории книги. Его вел интереснейший человек, Константин Сергеевич Герасимов – потомственный библиотекарь, преподаватель классической русской филологии в Государственном университете. Это были трудные годы – электричества не было, Константин Сергеевич рассказывал удивительные истории при свечах! А какие книги он приносил! Я до сих пор эти лекции помню.

Мне пришлось быть студентом, в общей сложности, пятнадцать лет. Но последние четыре года – в Академии – были самыми счастливыми. Везде было интересно, но при этом в ранние студенческие годы существовала тягостная необходимость сдавать разные истматы, диаматы, историю партии – масса бессмысленно потерянного времени на предметы, которые заведомо никому были не нужны. А в Духовной академии я не пропустил ни одной лекции, с живым интересом готовился, читал, сдавал, потому что все без исключения было не только интересным, но и необходимым для спасения, для служения Богу. А именно это стало для меня самым главным.

«По стопам святой Нины» – Евангелие оживает

В течение многих лет, начиная с 1979 года, я принимал участие в студенческих экспедициях по реставрации исторических памятников. Мы ездили добровольно, без какого-либо вознаграждения, напротив, еще и сами деньги на дорогу собирали. Целое лето мы проводили в палатках и расчищали памятники, готовя их к реставрации. В основном это были церкви. Мои друзья были вдумчивые и начитанные молодые люди. Я бы не сказал, что в нашей среде было много верующих, но мое вероисповедание во многом сформировалось именно там: расчищая и выкапывая древние церкви из-под земли, я чувствовал, что соприкасаюсь со святыней. Образ жизни студенческих экспедиций создавал, конечно, ощущение братства, хотя нас объединял, по сути, только быт, потому что убеждения у всех были разные. Но если бы братство основать на общем желании послужить Богу – о таком можно было только мечтать...

Когда, чуть позже, вместе с другими прихожанами после богослужения мы начали собираться в церкви, читать Евангелие, размышлять над происходящими событиями (тогда совершался нелегкий распад Советского Союза), я всегда ощущал нехватку совместной деятельности, апостольской общинности, чему так радовался в студенческих летних лагерях.

Самтависи.
Собор Воскресения Господня

Помню свое удивление и радость, когда я впервые оказался в обществе верующих людей. Как-то услышал, что священник со своими прихожанами собирается поехать в паломничество в Гори к преподобному Исидору⁷. Я поехал с ними. А когда мы возвращались, кто-то из прихожан пригласил всю нашу группу к себе домой. Мы сели за стол, и я впервые обнаружил, что, оказывается, за большим столом сидят одни верующие. Это было

⁷ Преподобный Исидор Самтавийский – аскет и миссионер, один из двенадцати подвижников, пришедших в VI веке в Грузию из Каппадокии вместе со своим наставником аввой Иоанном Зедазнийским. Преподобный Иоанн и его ученики положили начало традиции грузинского монашества. Мощи преподобного Исидора почивают в древней основанной им епархии, в соборе Самтависи (село Самтависи находится в тридцати километрах от города Гори). Память преподобного совершается 20 мая по новому стилю.

удивительное чувство! До сих пор помню эти ощущения. И я понял, что христианская жизнь невозможна, если она не заполняет собой все.

Поэтому когда я узнал об идее организации крестного хода «По стопам святой Нины», это стало для меня настоящим духовным праздником. Патриарх назначил духовником и руководителем паломничества отца Давида, а мне поручил практическую организацию, потому что я еще прежде рассказывал Святейшему о своем походном опыте в экспедициях. Для меня это был естественный образ жизни, я себя очень комфортно ощущал в походных условиях. А теперь я почувствовал, что прикасаюсь к той самой настоящей деятельной христианской жизни, которой мне не хватало. Это был 1989 год. Я тогда уже учился в Духовной академии, но священником еще не был. Забегая вперед, скажу, что этот первый крестный ход, длившийся 27 дней (в последующие годы он превратился в 40-дневное паломничество), стал для меня настоящей школой священства.

Так вот, начали мы готовиться к крестному ходу. Патриархия выделила нам автобус. В то время в Тбилиси привезли польские палатки, я сказал Патриарху, что неплохо было бы их приобрести, а он без особых расспросов дал мне на руки двенадцать тысяч рублей. На эти деньги две машины «Жигули» можно было купить, просто руки дрожали! Я поехал на склад и закупил на всех палатки.

Вообще я основательно подготовился. Купил термосы, чай, какао, различные консервы на постные и скоромные дни. Мой сосед, работавший на колбасном заводе, дал мне столько колбасы, причем абсолютно бесплатно, что она была по всему автобусу развешана...

Но уже потом оказалось, что могли бы мы обойтись и без такого количества продуктов и даже без палаток – люди нас встречали как родных, кормили и предоставляли ночлег.

Выходили мы из Тбилиси, не зная, что нас ждет. Автобус с продуктами и снаряжением ехал, а мы шли пешком.

Джавахети.
Пещерный монастырь Вардзиа

И в этом долгом многодневном пути мы почувствовали, что значит Евангелие в действии: когда человек начинает правильно жить, Господь являет ему знаки. Например, в один из очень напряженных дней, когда утром служили литургию, проповедовали, крестили, мы так и не имели возможности передохнуть и поесть; в деревне, где мы планировали остаться на ночлег, конечно, нас ждали с ужином, но туда нужно было еще дойти. И вечером, проходя через поле с поспевшей пшеницей, мы начали ломать эти колосья и есть. Кто-то из местных начал кричать: «Эй, почему вы портите пшеницу!» Как тут было не вспомнить эпизод из Евангелия, когда Христос с учениками проходили засеянными полями (ср. Мк. 2:23–25)!

Проходя через Джавахети⁸, как-то я увидел в поле пастуха с большим стадом... Раньше я читал толкования на евангельскую притчу о Страшном Суде, там было сказано, что овец и коз разделить несложно, потому что они по-разному реагируют на одно и то же действие, но еще я читал, что на Востоке часто овцы бывают белыми, а козы черными. В стаде, которое мы увидели, все было именно так – все овцы белые и все козы черные! Пораженный, я остановил группу и стал рассказывать о притче и ее толковании.

Мы шли. Везде, где только была возможность, отцы служили литургии, крестили, причащали, исповедовали, мы им помогали и рассказывали людям о христианской жизни. К нашему миссионерскому крестному ходу присоединялись все новые и новые участники. Я шел и думал о том, какой потрясающий можно было бы снять фильм – история о современности, неразрывно связанная с Евангелием не только духовно, но и с самим евангельским сюжетом.

Мы были свидетелями очень простых, но настоящих чудес. Например, везде была засуха, но часто происходило так, что стоило нам прийти в деревню – сразу же начинался дождь, и вставала радуга, а бывало одновременно две и даже три радуги. Это настолько часто случалось, что мы даже планировать стали, какой деревне дождь нужнее.

Однажды мы совершали крещение прямо в реке, было много желающих. Ко мне подошла молодая женщина и спросила:

– Я очень хочу ребенка крестить, но он болен, у него высокая температура. Как вы посоветуете, можно крестить или нет?

– Ну конечно! Крестите с верой, и Бог исцелит его! – почему-то ответил я не задумываясь.

Женщина ушла, а через полчаса вернулась с больным ребенком:

– Я пришла.

А я уже забыл про нее и спрашиваю:

– Кто вы?

– Ну как же, ведь я вас спрашивала о больном ребенке!

Что делать, думаю, дождь собирается, и вода в реке слишком холодная...

– Ну, идите, креститесь.

А когда они спустились к реке, начался такой проливной дождь, что нитки сухой не осталось! Ребенка крестили, слава Богу, ничего не случилось. А через три дня, когда мы уходили, эта женщина догнала нас и сказала, что ребенок в тот же день выздоровел.

Еще был удивительный случай. Нас с любовью приняла бездетная семья. Восемь лет супруги не могли ребенка родить. Конечно, мы молились о них, а через год, когда мы вновь организовали крестный ход и пришли к ним, у этих людей уже родился малыш. И таких случаев было несколько.

Люди крестились, исповедовались, причащались, венчались. Что самое интересное, в отдаленных деревнях мы часто находили христиан, которые хранили традиции – всю жизнь соблюдали посты и молились. Насколько же чисто они жили! Даже мужчины, с виду вроде бы грубые, сильно оскорблялись, когда я в следующие крестные ходы, уже будучи священником, спрашивал их, не изменяли ли они своим женам.

– Как?! – возмущались они. – Что вы такое говорите?!

Тогда не было возможности распространения информации, часто для жителей наш приход был полной неожиданностью и настоящим чудом. Напомню, что это был 1989 год – еще советское время. Что удивительно – сами секретари райкома часто нас принимали и помогали с организацией!

⁸ Джавахети (*груз.*), или Джавахк (*арм.*), – историческая область Грузии, находится на границе с Турцией и Арменией. Преобладающее население – армяне.

Случалось, конечно, что нас и не принимали... Всё на себе испробовали, как в Евангелии. Один раз в горном районе мы всю деревню обошли, в каждый дом постучали, но буквально все жители нам отказали. Мы ночевали в старой заброшенной церкви, благо пол там был деревянный, а утром, уходя, с обуви прах отрясли.

Как-то постучали в огромную железную дверь, открыла женщина:

– Вы от Бога, – говорит, – пришли. А что мне Бог? Ни одного платья не дал! Ничего Он мне не дал; так зачем я стану вас принимать?!

– Так вы поинтересуйтесь, – отшучиваюсь я, – быть может, это платье как раз у нас с собой и есть.

Но она прямо перед моим лицом захлопнула свою железную дверь.

В другой раз, когда просились в один дом на ночлег, хозяйка нам и говорит:

– Подождите, сейчас мужа спрошу.

А муж оттуда кричит:

– Не уходите! Сейчас я выйду, только ружье заряжу! Если б хотел вас принимать, то позвал бы, я видел вас в церкви!

– Зачем с ружьем выходить? – отвечаю я ему с юмором. – Не надо так беспокоиться, мы и так можем уйти, без вооруженного сопровождения...

Физические нагрузки, конечно, были серьезными. При этом наш духовный наставник, отец Давид, придерживался строгих правил: никаких послаблений в посте и в молитве^{9 10}. Поэтому и в наших рядах случались обострения у людей со слабой психикой, помню три-четыре подобных случая.

В дальнейшем мы организацию наладили: разделились на пятнадцать групп, во главе групп стояли священники, и каждый день, двигаясь в одном направлении, мы могли заходить в пятнадцать разных населенных пунктов, до Тбилиси не пропускали ни одной деревни.

Посещали в рамках крестного хода и места лишения свободы. Многие заключенные исповедовались и причащались. И у нас, и в России существовала настоящая воровская философия, фактически – свое вероисповедание, свои идеи, никак не сочетающиеся с Евангелием¹⁰. Был даже случай забавный в 1989 году. Кто-то из наших напечатал листовки для раздачи в тюрьме – икону с молитвами и со списком заповедей. И самое интересное, что заповедь «не укради» случайно пропустили. Когда раздавали, многие из блатных радоваться стали: «Видите! Видите! Нет такой заповеди!» Став священником, я пытался объяснить этими «авторитетами», что у человека, гордо называющего себя вором и не раскисающегося в этом, исповеди принять я не могу. Кто-то искал компромисс. Один вор в законе сказал, что не может так вот сейчас сказать всем: «Я больше не вор!»

– Но обещаю, – говорит он, – что буду стараться жить по заповедям и ничего, что является нарушением закона, больше делать не стану. Ко мне приходят за советом в спорных случаях, в этом ничего противозаконного и противохристианского нет. Я просто не могу сказать всем, что я больше не вор, но могу отказаться от доли за краденое и больше никогда не принимать ее.

Один пожилой вор в законе – известный карманник – без всяких условностей сказал:

– Отказываюсь от всего, хочу причаститься!

⁹ В применении устава к жизни может действовать церковный принцип так называемой икономии (*греч.* домостроительство). Это принцип пастырского рассуждения и снисхождения к возможностям человека. Требования поста, в логике пастырской икономии, для путешествующих могут значительно смягчаться.

¹⁰ Вор в законе – высший титул в специфической, не имеющей аналогов в мире преступной квазиидеологии и иерархии, сложившейся в двадцатом веке на территории Советского Союза и по-прежнему действующей в криминальных сообществах постсоветского пространства. В формирование традиций, церемоний и «понятий» этих сообществ грузинские воры в законе внесли преобладающий вклад.

Старик был сильно болен, вечером его исповедовали, а утром на литургии он оделся в красивейшую белую расшитую рубашку. Он весь светился, для него это был настоящий праздник!

Но, конечно, случалось и по-другому: один из желающих причаститься мне сказал:

– Умру, но останусь вором в законе!

Я даже крест ему не стал освящать...

Священник на войне

Я никогда не думал о своем рукоположении, несмотря на то, что даже внешне стал похож на священника. Как-то отец Давид, который уже был в постриге и стал архимандритом Даниилом, спросил меня: если бы я стал священником, практиком был бы или теоретиком, богословом или практикующим священником-миссионером? Я ответил, что оба направления мне одинаково интересны, в идеале я хотел бы их сочетать. А потом во время одной монастырской трапезы Святейший, посмотрев на меня внимательно, сказал: «На следующей неделе Вас будут рукополагать, готовьтесь».

Так в декабре 1990 года неожиданно я стал диаконом, вся моя жизнь резко изменилась. Помню, когда первый раз в подряснике я зашел в троллейбус, мне казалось, что буквально все на меня смотрят (после рукоположения я подрясник никогда не снимал).

Счастливым период для священнослужителя – это дьяконство. Есть свободное время. Но мое счастье продолжалось недолго: всего через два месяца меня рукоположили в священники и назначили сразу в два храма – в главный патриарший собор Светицховели¹¹ и в пригород Тбилиси, в поселок Цхнети. Первая моя литургия, помню, продолжалась где-то часа четыре или даже больше: я служил по книге, медленно, еще часа два исповедовал прихожан перед причастием. Мне было тяжело, а им еще тяжелее...

А после 1991 года началась война в Абхазии... Что вам сказать? До сих пор толком неизвестно, что происходило в Абхазии в начале девяностых. Можно говорить о множестве пластов, еще и переплетенных между собой. Кому подчинялись военные формирования? Кто, зачем и какие договоры подписывал? Как сдавались города и за какую цену? Наверное, это только в будущем выяснится полностью. Но мы точно знаем: нам нечего делить с абхазами. А тогда единственное, что было, – это острое эмоциональное восприятие. Многие мои друзья, которые погибли в Абхазии, были обычными людьми – они просто смотрели телевизор. Например, зять нашей прихожанки, который никогда в жизни оружие не держал, каждый вечер по телевизору слушал списки погибших. У него было трое детей и больная мать на руках, и тем не менее как-то в воскресенье, рано утром, никому ничего не сказав, он уехал на войну. А ровно через две недели, тоже рано утром в воскресенье, в дверь к ним постучались. Когда они открыли, то увидели военнослужащих, которые молча оставили неживое тело и ушли. Но и это было не самым страшным, потому что многие убитые оставались по ту сторону линии фронта по несколько месяцев, а некоторых так и не смогли перезахоронить...

То, что там с обеих сторон зверствовали, – наверное, это правда. Война – она и есть война, со всеми ужасами. С нашей стороны воевали не только военные формирования, а часто случайные лица, которые бесчинствовали не только в Абхазии, но и в Тбилиси, и в других частях Грузии. Это были самовольно вооружившиеся преступники, вышедшие на волю после перестройки. Эти вооруженные бандиты и занимались разбоем. Они ограбили всю Грузию.

С противоположной стороны с нами воевали чеченцы, адыгейцы, казаки (точнее, какие-то люди, называвшие себя казаками), – казалось, их было больше, чем абхазов. Они

¹¹ Светицховели – собор в Мцхета, архитектурный памятник всемирного наследия и одна из главных святынь Грузии. Место для строительства указала в IV веке принявшему христианство царю Мириану III равноапостольная Нина, просветительница Грузии. Собор был построен в царском саду, на месте захоронения праведной Соломин, по преданию погребенной вместе с принесенным в Грузию из Палестины хитом Спасителя. Кедр, выросший на этом месте, уже несколько столетий указывал на чудодейственность места. При строительстве первого деревянного собора был использован священный кедр, но один из шести изготовленных столбов никак не сдвигался с места и источал миро. Восприятие этого чудесного события как знамения отразилось в названии собора – Светицховели, что в переводе с грузинского языка значит «Животворящий столб». В V столетии, в правление царя Вахтанга Горгосали, на месте деревянного собора был выстроен каменный – в честь двенадцати апостолов.

использовали российские военные самолеты, тяжелую технику, которой у нас не было, что создавало полную уверенность, что мы воюем с Российским государством.

Мне довелось много разъезжать по горячим точкам, я исповедовал и причащал прямо во время перестрелки. Часто все это происходило под свист пули.

– Если слышишь свист пули, значит, она уже пролетела, – успокаивали меня бойцы, – ведь звук приходит с опозданием.

Когда мы встречались с военачальниками, первое, о чем мы спрашивали, – как они обходятся с пленными, и просили дать нам возможность пообщаться с ними. Тогда многие абхазы и русские, находящиеся в плену, крестились.

В селе Команы, на месте погребения святителя Иоанна Златоуста, служил замечательный священник – иеромонах Андрей Курашвили. Он в жизни ни разу оружие в руки не брал, никого не подстрекал к агрессивным действиям, он честно служил Богу. Его расстреляли прямо у церкви, обвинив в том, что у него под алтарем склад оружия. Это были наемные солдаты, воюющие на стороне абхазцев¹².

А когда наши войска отступали из Сухуми, я участвовал в последнем переходе грузинских беженцев из Абхазии¹³. Мне пришлось со сломанной ногой в лесу жить две недели, пока за мной не приехала грузовая машина, чтобы перевезти меня через горный перевал. Было начало октября, заморозки, перевал высокий, открытая зона без единого дерева. Нужно было днем пройти перевал, чтобы на ночевку попасть в наш лагерь в лесу. Многие не доходили...

По ту сторону перевала наша Церковь организовывала столовые, раздавали гуманитарную помощь, конечно же, совершали молитвы, крестили, но люди приходили настолько угнетенными, что многие были не в себе. Помню человека, несшего с собой телевизор, больше у него ничего не было, он все оставил.

– Лучше мешок муки взял бы с собой, – говорю ему.

– Всю жизнь, – говорит, – я собирал деньги на телевизор; как я могу его оставить?

Были трогательные и грустные моменты. Шла семья, и дедушка помогал внуку нести велосипед, потому что мальчик никак не хотел его оставлять. Когда они пришли в лагерь, дед сказал внуку:

– Вот, смотри: священник. Давай мы ему оставим на хранение твой велосипед, потому что дальше нести его уже не сможем, а если все будет хорошо, мы вернемся и велосипед заберем.

И ребенок согласился.

¹² Из рассказов моей собеседницы Тамрико Чхиквадзе: «В Абхазии боевики нас предупредили: „В воскресенье не красьте яйца, мы сами их вашей кровью покрасим...“ Но когда мы туда собирались, Патриарх, благословляя, сказал: „Уходите с миром, с миром и приезжайте“. Приехали в пятницу на Страстной седмице в три часа, все тихо, а всего несколько часов назад была и бомбежка, и стрельба. Ожидали исполнения угрозы, готовились к худшему, но все три дня, что мы были в Сухуми, не прозвучало ни одного выстрела. После Пасхи были в сванском селе Команы, это место кончины святителя Иоанна Златоуста. Всего через три месяца после нашего посещения и иеромонах Андрей Курашвили, и абхаз Георгий Ануа, восстанавливающие монастырь Иоанна Златоуста, и другие люди, с которыми мы общались, были зверски убиты боевиками. А тогда они стояли лагерем на соседней горе, в любое время село могли уничтожить. Грузинских военных было мало, они говорили нам: „Мы смертники, мы знаем, что умрем“. И действительно, всех их через три месяца убили. Когда мы в Абхазию собирались, я в своей комнате убиралась, как никогда раньше, думала, если убьют, пусть комната после меня чистой останется. Потом оказалось, что когда мы уезжали из Коман, началась стрельба, даже по нашему автобусу стреляли, но мы ничего не слышали. Как можно было не слышать, не знаю. Это воистину чудо, бывшее по молитвам Святейшего...»

¹³ В сентябре 1993 года, после года практически непрерывающегося военного противостояния, Сухуми был взят под контроль абхазскими военными формированиями. Незадолго до этого в Сочи был подписан договор о прекращении огня, поэтому грузинское население не было готово к такому стремительному и драматичному развороту событий. Люди, знавшие об этнических чистках, осуществлявшихся в 1992 году при захвате Гагр, экстренно покидали Сухуми. Вывоз части грузинских беженцев обеспечил Черноморский флот, большинству же пришлось пробираться через холодные горные перевалы Сванетии, в этих переходах погибло порядка пятисот человек; общее количество грузинских беженцев из Абхазии за время этой войны составило приблизительно 250 000 человек.

Все это время в Тбилиси о нас не было известий, и какие-то «добрые люди» моим родителям сказали, что я погиб. Причем сказали каждому по отдельности. Отец и мать, конечно, друг другу ничего говорить не стали, жалея друг друга, они страдали поодиночке. Наверное, эти переживания впоследствии укрепили их в покорности отпустить меня в монашество. Ведь они действительно пережили смерть сына. Быть монахом – значит умереть для мира. Видимо, Господь меня готовил.

«Архиерея должны любить»

Когда я пришел в Церковь, она состояла из совсем молодых, недавно обратившихся к вере людей и из очень старых бабушек. Среднего поколения у нас не было. Из молодых, конечно, девушек было больше. И поэтому множество мужчин, не имеющих серьезных канонических препятствий, стали в дальнейшем священнослужителями.

У нас уникальная историческая ситуация: все архиереи Грузинской Церкви рукоположены нашим Патриархом; последний архиерей, который был рукоположен ранее, владыка Григорий (Церцвадзе), митрополит Алавердский, умер в начале девяностых. Конечно, это очень многое определяет. И не только в том смысле, что все мы, так или иначе, вышли из-под омофора Святейшего – мы строим церковную жизнь заново, словно в апостольские времена.

Монашество как высшая семейная дань, которую можно принести Богу, – эта мысль появилась в нашей семье еще в начале нашего церковного пути. В Грузии существует исторический пример такой семейной жертвы. Это семья святой Нины, все члены которой приняли постриг. Тем не менее когда первый раз в 1995 году Патриарх, в качестве особого исключения, предложил мне подумать о монашестве, никто из моей семьи еще не был готов к этому шагу, и я отказался. Позже созрела готовность моей супруги. Ее согласие было ключевым. Родители тоже со временем приняли это, они и так несли на себе попечение о семье, ведь мое священническое миссионерское служение и прежде не давало возможности быть дома. Через год Святейший вновь повторил предложение, и я согласился. Меня постригли в монахи и уже через несколько дней рукоположили в архиерея. Это было в 1996 году. Члены семьи присутствовали на хиротонии.

Вот я стал епископом – но у меня же есть родственники, друзья, одноклассники, соседи. И я никогда не скажу им: с сегодняшнего дня чтите меня, официально обращайтесь, целуйте руку и записывайтесь на прием в канцелярии. Многие из них, конечно, сами начинают такое почтение проявлять, но я прошу их этого не делать, потому что мы как дружили, так и должны остаться друзьями. У нас ведь и города немногочисленные; практически все друг друга знают. Все получается естественно. Конечно, среди нас есть и те, кто тяготеет к важности. Мне один наш владыка сказал: «Не обязательно, чтобы архиерея любили, главное, чтобы его слушались». Но у меня другое мнение: я считаю, что архиерея должны любить.

Моя первая епархия – высокогорная Сванетия¹⁴ и Цагери. Предыстория этого назначения началась еще во время моего священства в 1992 году с местного жителя, приехавшего в Патриархию:

– Вот здесь прямо лягу на лестничную площадку, – сказал он, – пока Святейший со мной не поговорит. У нас «Свидетели Иеговы» весь район захватили, высылайте срочно к нам священника!

Послали меня... Приехал я к этому человеку домой, потом познакомился с местными православными христианами, и мы стали создавать приход. Я приезжал туда время от времени, служил литургию, проповедовал, с иеговистами полемизировал (кстати, встречи были очень интересными).

И поэтому именно этот район стал моей первой епархией. Сначала все службы в одиночку приходилось совершать, не было ни священников, ни диаконов. Ну а теперь там уже другой архиерей, много священнослужителей и монахов – большинство из числа моих тогдашних прихожан. В епархии появились монастыри, храмы.

¹⁴ Сванети – высокогорная область на северо-западе Грузии, делится Сванетским хребтом на Верхнюю и Нижнюю Сванети. Верхняя Сванети находится на границе с Россией (Кабардино-Балкария). Край знаменит не только красотой природы, но и богатством памятников истории и архитектуры. Сваны – отдельная группа в рамках грузинского этноса, сохранившая свой разговорный язык. Сваны говорят на сванском и грузинском языках.

В нынешней Ахалкалакской и Кумурдойской епархии я служу с 2002 года. Но и в этих краях мне приходилось служить до официального назначения, как священнику и как миссионеру – в этих двух горных районах Грузии православного населения меньше 3 %. В основном здесь живут армяне, которых переселил русский генерал Паскевич в 1829 году после победы над турками. Живут также русские духоборы¹⁵ и греки, но их тоже мало.

¹⁵ Духоборы – религиозная секта, возникшая в России в XVIII веке. Последователи этого движения отрицали внешнюю форму и обрядовые предписания. В правление Николая I пять тысяч духоборов были принудительно переселены на Кавказ, большая часть переселенцев обосновалась в Джавахети.

За годы проживания я для себя обнаружил очень важные обстоятельства. Во-первых, оказалось, что между местными грузинами и армянами не происходило никаких напряжений, даже в самые сложные годы. Это укрепило меня в убеждении, что межнациональные конфликты всегда навязываются извне. Во-вторых, я хорошо изучил нравы и ценности местных жителей, понял, как к ним подступиться, найти общий язык. Это горцы, они гостеприимны. Если станешь давить – ответят еще большей силой, а если нуждаешься в помощи, то никто никогда не откажет. К примеру, если машина проедет мимо остановившейся машины, которой нужна помощь, можно точно сказать, что водитель не местный, потому что здесь в горах есть неписанный закон – обязательно остановиться и предложить помощь.

Когда с целью сближения с местным населением я переехал один жить в маленький отдельный дом, то не стал вешать шторы на окна, чтобы люди видели, как я живу. Сначала дети стали заглядывать, потом и заходить. Сначала на минутку, потом – на несколько часов. Когда родители искали детей, тоже заходили в гости. И постепенно соседи меня приняли. Через моих соседей со временем и все горожане узнали, что грузинский епископ вовсе не страшный; город ведь маленький, информация быстро разносится. Потом, надеясь на мои связи в Тбилиси, люди начали обращаться за помощью по разным вопросам, и я старался помогать, насколько это было возможно, обращаясь к своим знакомым в правительстве. Понемногу горожане стали заглядывать в храм, некоторые стали интересоваться богослужением. Начали появляться неофиты, среди которых много армян.

Многие молодые армяне находятся в духовном поиске. Раньше здесь, в Ахалкалаки, в Армянской Церкви не было такого священника, который бы соответствовал требованиям современного общества. Сейчас у них служит хороший священник, очень интересный и деятельный человек, благодаря ему люди потянулись и к ним в церковь. Но у них, по-моему, ощущается дефицит сакральности духовной жизни, духовного опыта, а ищущие люди это остро чувствуют, их не насыщает религиозная жизнь, основанная на повседневности. Другие армянские священники, с которыми я общался, говорят о разрыве духовной традиции, о проблеме полного приостановления служения, которое произошло у них в советский период.

В нашей Церкви всегда оставались нити, а если корень остается, то из корня и лоза восстанавливается. Несмотря на существование монахов, Армянская Церковь по сей день не может возобновить монастырскую жизнь по общежительному уставу. И мне кажется, кроме основных догматических нарушений, причина многих проблем еще и в этом – без монашества Церковь перестает существовать. Монахи – носители традиций духовной жизни и в то же время – свидетели того, что в Церкви есть люди, готовые себя без остатка посвятить Христу.

«Четыре времени 2008 года»

В августе 2008 года, когда разразилась российско-грузинская война из-за Цхинвальского региона, я подъезжал на своей машине к армейской российской колонне, разговаривал с военными, записывал на видеокамеру, как эти солдаты, большинство которых были с Северного Кавказа – чеченцы, ингуши, дагестанцы, – оправдывали свои действия. Позже я сделал видеозарисовку «Четыре времени 2008 года». За мое относительно спокойное состояние некоторые соотечественники даже упрекали меня в недостаточно развитом чувстве вражды к противнику. Конечно, это понятно: ведь российские танки стояли в двадцати километрах от нашей столицы с направленными в ее сторону пушками, а самолеты бомбили Тбилиси.

Невольно вспомнились события 9 апреля 1989 года, когда советские войска жестко подавили митинг в Тбилиси у Дома правительства Грузинской ССР. Двадцать человек погибло, сотни получили травмы. Многие пострадали из-за химического газа, который там был использован. Но на другой день, когда мы смотрели на русских солдат, оцепивших территорию, мы ощущали ненависть к самому режиму, а не к конкретным солдатам. Казалось, что они такие же жертвы режима: чтобы военный не подчинился неправильному приказу – для этого нужно быть героем...

Сейчас, на фоне происходящих событий на Украине, все видится по-другому. Несмотря на все политические перипетии, которые порой совсем непонятны, и несмотря на то, что трудно определить, какая сторона за что несет ответственность, очень переживаю из-за того, что сейчас происходит в России и на Украине. Сегодняшний военный ужас очень напоминает военный конфликт в Абхазии в начале 1990-х, в котором я как священник принимал самое непосредственное участие. Тогда во мне глубоко запечатлелись такие понятия, как «братоубийственная война», «беженцы», различие между «обычным снарядами» и снарядами типа «Град», которыми в моем присутствии бомбили мирное население города Сухуми. Эти личные переживания помогают понимать суть происходящего с православным народом, глубоко сочувствовать и пробуждают желание поучаствовать всячески: в первую очередь молиться, а также внести какой-нибудь вклад в умиротворение и утешение страждущих, по мере моих скромных возможностей.

«Подняться над заборами, закрывающими небо»

Лела Чинчараули,
директор общеобразовательной школы г. Ахалкалаки

Перед сном мы, гости митрополита Николая, молились вместе с хозяевами в уютной часовенке перед образом Владимирской Богородицы. Стены украшены цитатами из Писания-владыка увлекается грузинской каллиграфией. Мне досталась комната по соседству с часовней. Уже в четыре утра за стеной звучало правило; я проснулся то ли от пронизывающе свежего воздуха, то ли от тихой монотонной молитвы Лелы, помощницы митрополита. Вставать не хотелось, спать тем более. Один из редких, счастливых моментов, когда сознание чувствует настоящее, ощущает соприкосновение с вечностью.

Наверно, дьякониссы древности были похожи на Лелу. Она не только «печется о столах» (что, свидетельствую, получается у нее превосходно-за трапезой каждый раз было не менее шести-семи простых, но невероятно вкусных блюд, и это в пост!). Лела-строитель и директор новой школы. Но и это, конечно, далеко не главное, что могло бы ее характеризовать. Представьте сочетание интеллигентности, какого-то древнего, отнюдь не этикетного, достоинства и христианского смирения. Представить сложно, но увидеть можно – в Леле.

К нашему отъезду Ахалкалаки накинута на газоны, сады и крыши легкую белую шаль. Утром снег выпал, а днем уже растаял. Что-то завораживающее, символичное проявилось в винограде, припорошенном снегом; когда снег таял, превращаясь в капли воды на ягодах, казалось-это холод отступает перед силой, источаемой лозой. Вспомнились слова Христа: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:1–5).

Моя благородная Хевсуретия

Я родилась четвертым ребенком в семье. Фамилия моя Чинчараули; трудно произнести, правда? Это хевсурская фамилия. В горах, за хребтом Кавказа, вблизи от Аргунского ущелья, всего в трех километрах от границы с Чечней, родились все мои предки по отцовской линии, и сам отец тоже родился там.

На границах культур и стран, в горных районах люди сами создают международную политику, одна и другая сторона находят общие правила, чтобы ладить друг с другом. Добраться в горные районы непросто и летом, ну а зимой и подавно, поэтому правительство, по большому счету, редко доходило до хевсуров, которые живут за Кавказским хребтом и очень свободолюбивые. На границе с Хевсуретией проживает много кистинцев – это этническая группа чеченцев. Отец мой говорил, что раньше они были христианами, отсюда и название «кисты» – «христиане». Сейчас, конечно, все они мусульмане, сунниты.

Хевсуры и кистинцы жили более или менее дружно, переживали общее горе и общие радости. Конечно, время от времени возникали конфликты, и тогда вступали в действие те самые горные дипломатические правила. Если происходила серьезная драка, старейшины с двух сторон определяли виновных, после чего пострадавшей стороне возмещали ущерб. Каким образом? Раны измерялись зернами, можно было откупаться скотиной: длина каждого зерна равнялась стоимости коровы, а ширина – овцы. Помню, в 1995 году было последнее большое разбирательство с привлечением старейшин, даже французы приезжали, снимали кино. Случалось, что чеченцы крали скот, грабили и убивали хевсуров, мирно урегулировать конфликт не удавалось, и тогда вступали в действие законы мести – кровь за кровь. На моей памяти, лет тридцать назад, в тюрьму посадили совсем молодого парня, он убил человека по закону кровной мести.

Истории о доблести и мести из поколения в поколение передавались в своеобразной поэтической форме – такой вот фольклор, вырабатывающий воинский дух в мужчинах. Рассказывали случай, как летом, когда много полевой работы и в домах остаются одни дети и старики, в наше село зашли кистинцы. В одном доме они убили всех, лишь один двенадцатилетний мальчик успел укрыться в подвале, там было ружье, и он снизу стал стрелять по чеченцам. На звук выстрелов быстро сбежались мужчины, перебили кистинцев, но и мальчика застали тяжело раненным и умирающим.

– Запомните мое имя, – такими были последние слова мальчика, – я троих злодеев убил, которые убивали наших детей и стариков.

Вот такие истории.

Но при этом меня всегда возмущала разность отношения к мужчине и женщине. Количество детей в семье исчислялось исключительно мальчиками, и если, например, убивали мужчину, нужно было шестьдесят коров отдать, а если женщину – тридцать. Однако было невероятное уважение к женщинам, и женщины были гордыми. Девушка могла жизнь самоубийством покончить, если вдруг при посторонних отец что-нибудь обидное ей говорил.

Отношения между юношами и девушками до брака были целомудренными, сексуальное сожительство было немыслимо, четко очерчивались границы ухаживания. Если становилось известно, что молодые до свадьбы не сдержались (что иногда происходило), они вынуждены были уйти как нарушители традиции, а нарушить традиции в Хевсуретии – значит согрешить против своего рода, своих предков. Изгнанники селились в городах, в других районах страны, бывало, переходили в Чечню.

Но, несмотря на некоторые странности, в Хевсуретии между взрослыми и молодыми, да и вообще между людьми бытовали абсолютно четкие, здоровые и естественные отноше-

ния. Отец рассказывал: когда взрослые за столом сидели и заходил ребенок – все вставали и здоровались, чтобы и он с детства учился уважать взрослых.

Горцы обладали настоящим достоинством, и это даже не совсем то, что сейчас вкладывается в это понятие. Их достоинство было каким-то естественным, первозданным. Понятие чести, мужества и совести были определяющими.

В Хевсуретии есть города и села-крепости¹⁶. В известной крепости Шатили жили мои предки, и даже когда надобность в крепостях отпала, мужчины из нашего рода старались там постоянно находиться, приезжали по очереди, чтобы не разорвать связь с родом.

Религиозные традиции горцев очень древние, хевсуры – христиане, но при этом они сохраняют уникальные архаичные традиции, например, почитают особые священные места – хати, куда вход женщинам воспрещается. В этих местах собираются мужчины для празднований, решения важных вопросов, там совершаются ритуальные действия, часто там находятся драгоценные предметы, собственность общины. И я хочу сказать, что все эти древнейшие формы религиозного выражения не противоречат сущности христианства, просто горная местность не давала возможности миссионерам часто посещать эти места, поэтому хевсуры и жили в такой смешанной традиции.

Вы знаете, наверное, имя Важа Пшавела¹⁷ – это грузинский классик, писатель и поэт. В его потрясающих поэмах по хевсурским мотивам раскрываются глубокие темы, например, тема отношения к врагу – абсолютно христианского отношения. Да, конечно, можно много говорить о странных традициях, о мифах. Для кого-то они очень важны, за них держатся, для кого-то в религиозном смысле они абсолютно ничего не значат. Но приверженность к традициям имеет объективное значение сама по себе: влияя на человека, она может соединять его с невидимой подлинной духовной реальностью, и это вполне евангельская духовность. И в качестве иллюстрации хочу рассказать историю из жизни моего деда.

Как-то родственники собрались на охоту. Дед (а тогда он был молодым человеком) был с ними. И случайно они в лесу наткнулись на кистинца, так сказать – должника (его род похитил наш скот). И застали его в момент совершения намаза, стоящего на коленях, босиком, обувь лежала в стороне. Они его схватили, связали и так босиком повели в селение, радуясь, что теперь за него смогут получить обратно похищенное. Тропы горные, повсюду острые камни, дед сжалился над этим пленником, снял свои чуваки из кожи и отдал ему, так и шли они до Шатили. Дед после этого недели три ходить не мог, все ступни по дороге в кровь истоптал. Этот благородный поступок на молодого кистинца сильно подействовал, и пока его держали в дедовом доме, он к деду привязался, к тому же был младше него, в общем, настоящим помощником стал. Так он прожил в Шатили целых полтора года. И вот в один из дней в селе появились кистинцы. Они вели лошадь, нагруженную мешками муки, разными вещами, и сказали, что приехали с выкупом за пленника. А молодой кистинец бросился к деду, заплакал:

– Не отдавай, – говорит, – меня им. Я знаю – это враги нашей семьи; они специально пришли, чтобы забрать меня и убить!

Тогда дед отправил навстречу им посыльного и предупредил, чтобы они даже к дому не подходили:

¹⁶ Наряду с традиционными крепостями, в большом количестве сохранившимися в Грузии, в горных ее регионах широко распространен совершенно уникальный историко-археологический феномен семейных крепостей. Они представляют собой основательные и высокие каменные башни, иногда примыкающие к жилому дому, иногда находящиеся от него в отдалении, в ряде случаев система таких башен в поселении образует единый комплекс, отгороженный от внешнего мира каменной стеной.

¹⁷ Важа Пшавела (Разикашвили Лука Павлович, 1861–1915) – поэт и писатель, в своих произведениях стремился раскрыть внутренний мир личности, зачастую находящейся перед сложным выбором, показать связь человека с природой. В его произведениях оживает богатая гамма традиций и обычаев старой Грузии. На русский язык его поэмы и стихи перевели Борис Пастернак, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Николай Заболоцкий.

– Пусть забирают все, что привезли, пленника не отдам!

Уже потом дело поладили. Родственники паренька вернули скот, но дед мой к тому времени на имя этого кистинца быка вырастил, и парень этого быка вел домой на веревке, которой его связали, когда вели в Шатели. Пришел пленником, а ушел с достоинством, это очень важно для горца.

Хевсурети. Село Шатели

Говорят, что этот кистинец потом к деду приезжал, был и на похоронах, оплакивал его.

Сталинская депортация очень сильно ударила по укладу горцев, ощущающих связь с общиной, традициями, со своей родной землей. Многие семьи и целые поселения были выдворены буквально в одну ночь. В отрыве от гор многие хевсуры теряли этнокультурную неповторимость, становились непохожими на предков, распушенными.

Я сама родилась в Тбилиси, а когда в пятилетнем возрасте впервые увидела родовые места, пережила что-то необыкновенное: никак не могла вместить эту красоту и величие, ощущая вместе с тем свою связь с ними. А в период университетской учебы привозила в Шатели своих друзей, чтобы иметь возможность поделиться с другими этим необыкновенным ощущением красоты.

Настоящая интеллигенция

Мне в жизни повезло, Бог меня наградил тем, что вокруг всегда были потрясающие люди, и я очень благодарна Ему за них. К отцу (его звали Алексей) часто ходили гости. Знаете, это была настоящая не ангажированная интеллигенция, не номенклатурная. Сам отец был удивительным человеком. Когда он подготовил докторскую диссертацию, ему поставили условие: необходимо все перевести на русский язык и отправить на утверждение в Москву.

– Перевести Важа Пшавела?! Ни в коем случае! Просто сама работа утратит смысл и содержание!

Он отказался от ученой степени без каких-либо мучительных сомнений. Диссертацию он разделил на три части, доработал и издал три книги в Грузии.

Отец несколько раз причастился перед смертью, это было три года назад, он уже не мог ходить, причастился и сказал:

– Чудо настоящее! Сколько энергии дает!

Помню, когда я была маленькой, отец собрал деньги себе на пальто. Но пришли друзья, и он сразу направился к тому месту, где лежали эти деньги, чтобы купить все для угощения гостей.

– Что ты делаешь?! – удивилась моя мама Нино (фамилия ее – Обгаидзе).

– Ничего, – сказал он спокойно, – куплю потом короткое пальто, ты не беспокойся!

И застолья устраивали незабываемые! В нашем доме повсюду были книги, очень много книг, а мебель была только самая необходимая. К приходу гостей стол всегда накрывался, а у меня была маленькая скамейка, я ставила ее в угол, садилась и слушала взрослых с упоением. Как они общались! Это настоящее искусство!

Известно, что на Востоке на базаре для человека главное – не торг, а общение, сам процесс диалога, находчивость, остроумие, эрудиция, знание, поэзия. Нечто похожее можно сказать и о грузинских застольях, это в первую очередь – открытое общение. У нас на столе никогда не было водки, всегда пили вино. Но и вино не имело для отца особенного значения, главное в застолье для него было общение с близкими людьми, взаимное обогащение¹⁸.

Но такие теплые традиции существуют не только в Грузии. У меня в Москве есть близкие друзья. Помню, приехала к ним, а там компания. Одна женщина рассказала о том, что кто-то попросил ее купить дорогие театральные билеты, но так и не вернул ей деньги; все сидели за столом, пили чай и живо обсуждали эту тему. И как же это было виртуозно! Как наше застолье, честное слово! Дружеская помощь выражалась и в подбадривающих шутках, и в образных историях, и в готовности скинуться всем, чтобы сразу же решить ее проблему.

К сожалению, после 1998 года я в Москве больше не была.

Когда там в 2002 году произошел захват заложников на мюзикле «Норд-Ост», я четыре дня из дому не выходила, сидела перед телевизором, не могла оторваться, настолько близко к сердцу приняла эту трагедию. А когда вышла, надела дубленку, потому что в Москве ведь

¹⁸ В известных всему миру грузинских застольях хранятся глубокие христианские традиции. Тосты застолья вторят чину Великой ектении. «Великая ектения, – говорит митрополит Николай (Пачуашвили), – думаю, это отзвук первых христианских собраний – агап. Сначала и Евхаристия за столом совершалась, лишь потом сформировалось чинопоследование, переместившее общину в храмовое пространство. А застолье сохранило атмосферу этих древних агап. У нас, если ты с кем-то сидел за столом, считается, что вы близкие. Спрашивают по-грузински: „Вы с ним преламывали хлеб?“ Поэтому у нас и не приветствуется отказ выпить вина, ведь выпивая, человек раскрывает свои внутренние движения души. Обычно мы закрываемся, когда общаемся официально, а в застолье, напротив, человек постепенно раскрывается. Вино в этом помогает, а вот с водкой такое невозможно, потому что одна-две рюмочки – и состояние человека резко меняется. Так что главное в застольях – это ощущение братства и любви. У нас говорят: если пришел только есть и пить, значит, ты не с нами, а если мы вместе ощутили главное – значит, мы вместе преломили хлеб».

было уже холодно, а у нас еще тепло – настолько я вжилась в эту боль. На меня на улице смотрели, словно на сумасшедшую.

Чурчхела на пятьдесят детей

Я училась в Тбилисском государственном университете (ТГУ), на факультете востоковедения. Наша грузинская школа востоковедения была классической, нам преподавали древние языки. Помню, когда к нам приехали студенты из Азербайджана и узнали, что мы переводили персидский эпос «Шахнаме»¹⁹, они просто были шокированы! В Армении и Азербайджане на факультетах востоковедения учились в основном мальчики, им преподавали исключительно современные языки, этих студентов курировал КГБ, чтобы готовить кадры на Востоке – разведчиков и переводчиков.

Нас на курсе было всего тридцать шесть человек. И треть группы хорошо друг друга знали: семьи общались, вместе в школе учились. Замечательный был курс! Тогда правительство за нами внимательно наблюдало, мы это чувствовали. Моим однокурсником был сын Звиада Гамсахурдия²⁰. И остальные дети были из семей творческой свободолюбивой интеллигенции... А сейчас мои однокурсники сами появляются в правительстве.

Учеба была очень интересной, нам преподавали носители подлинной культуры. Какие лекции были, какие лекторы! Они могли прийти на лекцию и сказать:

– Одевайтесь, идем!

– Как это идем? Куда?

Мы садились в машину и ехали в гости к Ните Табидзе – дочери грузинского поэта Тициана Табидзе²¹. Табидзе – это близкая семья Пастернаков. И в этой удивительной семье мы могли постигать грузинскую поэзию начала двадцатого века, символизм – и сама Нита рассказывала нам живые истории о своем отце и его окружении.

Часто мы поднимались с преподавателями в некрополь на Мтацминда²².

Летом, перед вторым курсом университета, я вышла замуж. Мне всего восемнадцать лет тогда исполнилось. Когда закончила университет, устроилась работать лаборанткой на свою кафедру. Родились дети, забот хватало, но свободное время все равно оставалось, родители помогали. Я продолжала много читать, встречалась с друзьями, но при этом всегда ощущала потребность в общественной деятельности. Еще до перестройки лекторы ТГУ открыли авторскую школу, где появлялись программы, ориентированные на национальную культуру, усиленно учили немецкий язык, следуя педагогическим принципам немецкого филолога Вильгельма фон Гумбольдта²³. Такое событие можно было сравнить с диссидентством – настолько это выбивалось из привычных советских представлений о педагогике и изучении языков. По приглашению лектора Нино Рамишвили я целиком занялась преподаванием в этой школе и оставила ТГУ.

¹⁹ «Шахнаме» («Книга царей») – уникальный памятник письменности, авторская поэма X–XI веков, написанная на иранском языке. Повествование собирает в единую нить сказания, мифы и предания Ирана, создавая из них эпическую историю от древнейших времен до исламизации VII века.

²⁰ Гамсахурдия, Звиад Константинович – президент Грузии в 1991–1992 гг. В советское время вел активную антисоветскую деятельность и неоднократно привлекался к уголовной ответственности. Не только за ним, но и за членами его семьи осуществлялась слежка органами государственной безопасности.

²¹ Табидзе, Тициан Юстинович – грузинский поэт, символист, был близок московскому поэтическому кругу. Принимал в Тбилиси Есенина, Маяковского, дружил с Пастернаком. В 1937 году был репрессирован и расстрелян.

²² Мтацминда (груз. *Святая гора*), или гора святого Давида Гареджийского, одного из тринадцати каппадокийских отцов-миссионеров, принесших в Грузию традицию монашества. На этой горе преподобный подвизался. Начиная с XIX века Мтацминда стала местом погребения знатных горожан, а в XX веке вокруг храма святого Давида (Мамадавити) образовался некрополь деятелей науки, искусства и национальных героев.

²³ Вильгельм фон Гумбольдт – выдающийся филолог и общественный деятель, основоположник лингвистики как отдельной науки. Ему принадлежит учение о языке как о постоянно движущемся творческом процессе и о его внутренней основе, выражающей мирозерцание народа.

Школа, где я работала, находилась в центре Тбилиси. В 1991 году на улицах шла гражданская война, да и в следующие два года перестрелки не прекращались. Многие люди не выходили из дома, а у меня был протест – как это не выходить? Это же мой город, моя страна, как я могу прятаться? Время от времени и школы закрывались. Транспорт не функционировал, я ходила пешком, наверное, километров двадцать в день вышагивала. Приходила в школу, сама включала звонок; многие родители, жившие вблизи, тоже продолжали приводить своих детей на учебу. На всю школу набирался один класс, и мы работали. Конечно, было достаточно причин испугаться и все бросить, но ответственность за свое дело давала ощущение внутренней свободы, побеждающей страх.

С продуктами было очень сложно, не было абсолютно ничего. И как-то родители ученика принесли мне мандарины и апельсины (в западной Грузии у них был дом в деревне) – после окончания урока, когда дети вышли из класса, положили мне на стол полный пакет. Я позвала детей обратно, мы мандарины на всех поделили и съели прямо в классе. Казалось, что ничего вкуснее быть не может. Апельсины я раздала, чтобы ребята домой их отнесли. У меня даже был специальный маленький острый нож, потому что продукты часто приходилось мелко резать, чтобы хватило всем. Один раз чурчхелу на пятьдесят детей пришлось делить! Несмотря на то, что страна голодала, слава Богу, люди не теряли человеческое лицо.

Возвращение к корням

В начале 1990-х, в кризисное время, когда в парализованной Грузии не было ни электричества, ни продуктов, я почувствовала острую потребность показать своим детям их родовые места, Хевсуретию. Приехали мы и поразились – там было все необходимое для жизни: своя гидроэлектростанция и свет, свои натуральные продукты – молоко, масло, сыр. И вышло, что мы надолго задержались в Хевсуретии, возвращаться в город не хотелось.

Я ощутила, что мне необходимо поддержать оставшихся здесь людей. Позже, когда ситуация в Тбилиси несколько изменилась к лучшему, мы с коллегами и друзьями стали собирать вещи, лекарства и все необходимое для горцев, потому что у них не было ни врачей, ни магазинов, человек там мог умереть, и в Тбилиси никто бы об этом не узнал. А школа там была одна-единственная в маленьком деревянном доме, и в один «прекрасный» день, после пожара, и этой школы не стало. В 2001 году я решила во что бы то ни стало добиться восстановления

школы, иначе через несколько лет в поселке вообще бы никого не осталось.

Начался поиск денег, у государства возможности помочь просто не было, я обратилась к своим знакомым немцам из Саксонии. Они приехали до наступления лета, на машине ехать было достаточно проблематично, нас пограничники на вертолете в Шатили привезли. Немцы решили помочь и начали собирать нужную сумму для строительства школы, собрали двадцать семь тысяч евро, мы в Грузии тоже собирали по копейкам. Весной я предложила Мировому банку проект летнего лагеря у нас в Шатили. Проект был поддержан, и летом 2005 года к нам приехали студенты, которые помогали рабочим строить здание. Наконец мы построили очень красивую школу!

Но, конечно, вернуть детей было уже не в наших силах, многие семьи уехали. Сорок два ученика было в старой школе до пожара, за четыре года стало в два раза меньше, сейчас в поселке всего человек шестьдесят живут, а в школе 11 учеников...

Когда российская армия заняла Аргунское ущелье (2000 г.)²⁴, чеченцы шли через Хевсуретию.

Не было дорог, люди буквально вручную прорывали дорогу, чтобы машины могли проехать вместе со стариками и детьми. Это мирные жители. Были среди них террористы или нет – неизвестно, но беженцы шли в Грузию через мои родные места. Я была там в это время и знала, что в горах сто пятьдесят вооруженных чеченцев, и они контролировали всех, кто переходил через Кавказский хребет. Сейчас в трех километрах от Шатили границу с Чечней контролируют российские пограничники.

²⁴ Еще прежде, 17 декабря 1999 года, федеральные силы взяли под контроль и перекрыли дорогу на Шатили, связывающую Чечню с Грузией, а 9 февраля 2000 года Аргунское ущелье было полностью блокировано; по имеющимся данным, в ущелье находилось большое сосредоточение боевиков. Российские войска заняли господствующую высоту, осуществлялись массированные обстрелы предполагаемых мест дислокации боевиков.

Ахалкалаки

С Паатой Пачуашвили мы вместе учились в Тбилисском государственном университете, он на физфаке, а я на отделении востоковедения. Вместе ходили на лекции в другие вузы, консерваторию посещали, разные интересные выставки и концерты. Потом я вышла замуж, и общение с Паатой прервалось. А в 2000 году мы случайно встретились, в это время он был уже епископом Николаем. Потом он пришел к нам в гости. Узнав, что я собираю деньги на школу в Шатили, он сказал:

– В Шатили населения мало, в моей епархии – много, а проблемы те же самые. Может, ты мне поможешь?

– Что значит мало? – я прямо разозлилась. – Я должна там построить школу, иначе мы Хевсуретию потеряем.

А когда я все-таки построила школу в Шатили, владыка позвонил мне:

– Ну что – построила? У нас в Ахалакалаки всего одна грузинская школа, проблем хватает, может, ты постарайся теперь нам помочь?

– Как помочь, – говорю, – из Тбилиси? Или мне переехать?!

– А ты подумай, – сказал митрополит, – серьезное дело.

В девяностых годах мне предложили должность директора одной из школ, работающих «по Гумбольдту». Я проработала директором 5 лет и ушла из-за одной трагической истории. Девятиклассники, которых я растила с первого класса, были на даче у одного из них, а когда возвращались, автобус потерпел аварию, за десять минут не стало семерых... Для меня это был эмоциональный удар, я написала заявление и ушла. Мне звонили из министерства, просили вернуться, я отказалась, было ощущение, что никогда больше не смогу работать в школе.

После я много размышляла: смогу ли когда-нибудь вернуться к педагогической деятельности? И мне казалось, что подобное будет возможно лишь в Гаграх – я всегда обожала этот город. Вот вернется Абхазия, думала я, и я создам там школу. Всем так и говорила, сказала и владыке Николаю, когда мы с ним в очередной раз встретились.

– Подумай сама, – сказал мне митрополит, – в моей епархии большинство населения – армяне, среди них бывают агрессивно настроенные люди. Мне нужна поддержка, чтобы шаг за шагом устранить эту агрессию, особенно среди молодежи.

Я поняла, что он имеет в виду, меня словно осенило:

– Боже ты мой! – сказала я. – А ведь все верно!

Я думала целый месяц. Ясное дело, нелегко из Тбилиси перебраться. Был 2007 год. Приходилось себя убеждать: «Ну и что – провинция? Вот я все думаю, что необходимо что-то делать. Быть может, как раз это и есть мой единственно правильный шанс сделать доброе дело».

Кахети. Монастырь преподобного Давида Гареджийско

Приехала посмотреть. Школа выглядела абсолютным убожеством! Здание серьезно пострадало и частично обрушилось после землетрясения в Армении в 1988 году²⁵. Тогда учеников перевели в старое, плохо отапливаемое здание интерната с малюсенькими комнатами и узкими коридорами. Приходилось начинать все сначала. За время наших поисков решения проблемы сменилось шесть министров образования, некоторых из них я знала лично. С приходом каждого нового руководителя мы начинали вновь выстраивать отношения с министерством, писать прошения о помощи, длительное время ничего не выходило. А потом президент Саакашвили услышал о нашей проблеме и включился в дело, с его помо-

²⁵ Спитакское землетрясение – катастрофическое бедствие, унесшее жизни 25 тысяч человек. Ахалкалаки находится приблизительно в двухстах километрах от эпицентра землетрясения города Спитака.

щью строительство школы стало одним из государственных приоритетов, проект был одобрен в срочном порядке. Теперь у нас прекрасная, современная школа, это самое солидное здание в городе, хоть и учащихся не слишком много – всего сто тридцать, но знаю и надеюсь, что в дальнейшем будет больше.

Когда я приехала в Ахалкалаки, ко всем обращалась на грузинском языке, но многие злились, делали вид, что не понимают:

– Вы понимаете, – отвечала я, – конечно, с русскими я с удовольствием говорю на русском, равно как и с теми, кто не понимает грузинского. Но мы же с вами граждане Грузии, а говорить на государственном языке граждане должны.

Через несколько месяцев я приехала в Тбилиси.

– Ты стала очень громко говорить, – заметили родные и близкие, – раньше ты разговаривала спокойно, а теперь нервной какой-то сделалась.

Я стала наблюдать за собой и поняла, что говорю в Ахалкалаки нарочито громко, чтобы грузинская речь здесь перестала вызывать удивление.

Я живу и работаю в Ахалкалаки восьмой год. Моей дочери тридцать четыре года. Она двенадцать лет жила и работала в Германии, а осенью этого года вернулась домой, в Грузию. А сыну тридцать, у него восьмилетняя дочь – моя любимая внучка Анастасия, очень забавная, она приезжает ко мне. Недавно ее спросили, как у бабушки фамилия, а она все перепутала – провинция эта называется Джавахетия, она и говорит: «Бабушка моя Джавахишвили!»

Дети до сих пор моему отъезду из Тбилиси удивляются, но уже значительно меньше, чем раньше, начинают понимать...

Вначале я скучала, расстраивалась, что реже буду видеть детей и внучку, родственников и друзей. Но сейчас дети часто ко мне приезжают, бывают и родственники, и друзья. Да и может ли скучать человек, если он столько еще хочет узнать, столькому научиться? Даже когда останется совсем один – не заскучает. Напротив, в гуще мегаполиса люди гораздо чаще чувствуют себя одинокими.

Слава Господу, сейчас у нас все спокойно и мирно! Люди увидели, что ничего плохого я не собираюсь им делать, сейчас многие обращаются за помощью, нескольким армянам я стала крестной. Надеюсь, все будет продолжаться благополучно.

«Отче наш» как образ жизни

Внутренне я всегда ощущала себя верующей, но в церковь заходила только для того, чтобы помолиться и поставить перед иконами свечи. У меня была моя вера, мой Бог внутри и четкое понимание необходимости жить по совести, с детства мне всегда было ясно, что можно делать, а чего нельзя. Меня даже моралисткой в школе и университете называли.

Помню, что я всегда интуитивно ощущала значимость молитвы «Отче наш». Это ведь больше чем молитва, это образ жизни. Я с 1993 года, будучи совершенно нецерковным человеком, начинала и заканчивала уроки в школе молитвой «Отче наш». Дети быстро выучили молитву, мы молились вместе, всем классом.

С Ахалкалаки начинается моя церковная жизнь, и это полностью заслуга владыки, за что я благодарна ему. Когда я переехала из Тбилиси, поселили меня в епархиальной резиденции – в женском монастыре. Несмотря на то, что я носила и ношу обычную мирскую одежду (а когда только приехала, вообще в джинсах ходила), местные меня стали называть монашкой, видимо, по той причине, что жила с монахинями.

Я уже не молодая, но снова учусь – выучила древнегрузинский, начала разбираться в богослужебном уставе, помогаю владыке на службе, читаю молитвы и псалмы. При этом все время жалуюсь, что все это слишком тяжело: проблемы со школой, с городской администрацией, с министерством, да еще погружение в литургику. Все это непросто, учитывая, что я всегда ко всему подходила ответственно.

Как-то я задумалась: вот я молюсь, соблюдаю посты, но во мне слишком мало духовности, наполненности Духом! А правильно ли тогда я иду? Ведь между выполнением правила и духовностью большая разница.

А мне хочется чувствовать, ощущать какой-то рост. Просто я так привыкла: видя цель, понимать, приближаюсь ли я к ней или стою на одном месте. У меня хорошо развита интуиция, я всегда стараюсь не допускать в сознании ментальных спекуляций, стараюсь быть честной перед собой. Если мне страшно, скажу, что страшно; если чувствую неуверенность, не стану убеждать себя в обратном.

Я очень благодарна Богу за то, что Он мне дает, но все-таки хочется сильнее ощущать Его присутствие в своей жизни, я этого не ощущаю... Наверное, что-то делаю не так, как надо.

Правда, в редкие моменты вдруг вспыхивает ощущение близости Бога, или открываются явные знаки: внезапно, например, получаю ответ на мучающий меня вопрос от какого-нибудь постороннего человека. Все это сильно вдохновляет, но случается такое редко. Я имею веру, но мне ее недостаточно, вера должна проявляться во всей совокупности: в разуме, чувствах, интуиции. Жизнь проходит быстро, а мне очень хочется каждое мгновение чувствовать, что Бог рядом со мной. И я убеждена – это не от гордости.

ГОТОВЫ ЛИ МЫ К СВОБОДЕ?

Я в советские времена сама перепечатывала запрещенные книги на машинке, чтобы их распространять, печатала с копирками, чтобы за один прогон несколько экземпляров получалось. Мой родственник работал в типографии, я приносила книги и просила делать ксерокопии. Ни разу не отказал, Царство ему Небесное! Сейчас мне даже страшно об этом вспомнить, ведь его посадить могли, наверняка в КГБ все контролировали. А тогда было совсем не страшно.

Читали все подряд: Кастанеду, Ошо, Евангелие, Заратустру, Гурджиева. У меня и дома в библиотеке отца были запрещенные книги, вообще потрясающая библиотека была. В тяжелые годы многое пришлось продать, обменять на продукты.

Вы помните гениальный фильм «Необыкновенная выставка», который снял Эльдар Шенгелая? Была целая плеяда творческой интеллигенции, они делали в советское время потрясающие произведения, через которые люди могли подняться над заборами, закрывающими небо. Но Советский Союз разрушился, и никто из гениев больше ничего выдающегося не создал, они тоже исчезли. Хотя я не возьмусь судить, ведь поведение – очень странная вещь, и мотивацию человека может знать лишь сам человек, и то не всегда. Все его мотивы видит и знает один Бог. Конечно, творческая интеллигенция осталась, но мне кажется, они просто не знают, как себя вести, им не на что опереться.

Помню возвращение в Грузию Мераба Мамардашвили²⁶ в мои студенческие годы. Это было настоящей радостью, мы даже не знали, что он нам скажет, мы просто ждали поддержки, духовной пищи. Лекции были достаточно сложными, нелегко было вмещать высоты его мысли, но мы старались преодолевать барьеры, не пропускать лекции.

И такие люди, конечно, были созидателями, они внесли в становление страны гораздо больше тех, кто внедрял идеологию борьбы и противостояния. Я много думала о диссидентстве в те времена, когда мы переживали ужасы послеперестроечного периода, гражданской войны: все диссиденты похожи друг на друга, возможно, у них какой-то общий комплекс. Без любви вообще ничего делать нельзя, потому что энергия, которую ты вкладываешь в слово или в дело, не исчезает, она входит в жизнь, ею заражаются другие люди, и рано или поздно она возвращается бумерангом. Люди часто фанатично желают поменять все вокруг, причем любыми путями, не думая о последствиях, но когда человек носит в себе любовь – получается по-другому, без агрессии, он действительно меняет мир, потихоньку, своими делами, и это созидательное диссидентство.

Сейчас чувствуется, что люди оказались не готовы к свободе. Просто иногда мы мучительно пытаемся оправдать собственное существование, убедить себя и окружающих в том, что находимся на правильном пути. Это происходит от неудовлетворения тем, что дано. Человек все доказывает, а жизнь уходит...

А если настоящей жизни нет, то человек не может быть самим собой, он вновь отдает свою свободу кому-нибудь, например, «прогрессивному общественному мнению», и сразу же самые нелепые вещи начинают приобретать для него наиважнейшее значение. Советская идеология ввела нас в тупик, создавая иллюзию надежного коллективного ума, преобладающего над индивидуальностью, при этом нравственные постулаты коммунисты заимствовали из Писания, адаптировав их под учение Маркса. Поэтому многие зачатки получались

²⁶ Мамардашвили, Мераб Константинович (1930–1990) – выдающийся философ и мыслитель советского периода. Иногда его называют «сократическим» философом в силу того, что он практически не оставил после себя письменного наследия, зато его лекции, расшифрованные и систематизированные, внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировой мысли.

«с человеческим лицом», но мертвая система шла к своему краху. Хотя многие вспоминают с сожалением о советских временах.

Когда у нас забирают свободу и ответственность, к сожалению, часто людям это нравится. Просто так спокойней. Но это путь в тупик, ведь каждый должен нести ответственность за свои поступки, за все, что происходит вокруг него и как-то связано с его жизнью. Человек перестает быть человеком, когда он ни на что не влияет, когда он несвободен, а подлинную свободу кроме Бога не может дать никто.

Слава Богу, теперь, пройдя через испытания, мы сможем объединиться вокруг единственно подлинной основы – общей православной веры в Иисуса Христа. Конечно, в истории между русским и грузинским народами происходили недоумения еще и в царское время. Но вспомните Георгиевский трактат 1783 года²⁷, это же потрясающий документ! Если бы все сложилось так, как там значилось, было бы настоящее чудо.

Экономические сложности меня совсем не пугают, а уверенность придают мне... древние шумеры. Знаете почему? В мирной и сытой Месопотамии было абсолютно все, было государство, все признаки цивилизации – но Месопотамии не стало. А у нас в Грузии часто не было ничего, бывало невыносимо трудно, и сейчас нелегко, но мы до сих пор смиренно существуем в постоянной борьбе и, даст Бог, просуществуем еще. Это и есть настоящая жизнь, настоящее христианство.

Грузии повезло: то, что мы стоим на ногах, это молитва и заслуга нашего Патриарха. Это однозначно, без всякого сомнения. Он наимудрейший человек, и при этом в нем море простоты и любви! Этими качествами он просто разоружает, каждый человек перед ним становится самим собой. Ведь и сам Святейший словно ребенок, таким же становишься рядом с ним и ты. После встречи с ним хочется меняться в лучшую сторону, такой огромной силой он обладает!

Иногда спрашивают: если бы все можно было начать сначала, поменяли ли бы вы свой путь? Чаще всего люди отвечают: нет. Но я бы обязательно поменяла! С сегодняшним опытом и знанием сколько добра можно было бы сделать с Божьей помощью!

²⁷ Начиная с 1721 года Грузия – царство Картли-Кахети, находящееся под давлением Ирана с одной стороны и Турции с другой, – вела переговоры с Россией, выражая готовность присягнуть Российской Империи, но с условием сохранения свободы своего внутреннего управления. Сложным и долгим был ход переговоров, в 1783 году при царе Ираклии II, в бытность на российском престоле Екатерины II, был подписан трактат, отражающий как раз те принципы отношений, к которым стремилась грузинская сторона. Но уже к 1803 году, при вступлении на российский престол Александра I, с преобладающей в его окружении партией централизации власти, Грузия, получив защиту от притязаний Турции, тем не менее лишилась как государственной своей независимости (упразднение монархии), так и церковной (упразднение патриаршества).

«Gotta serve somebody»²⁸

Игуменья Мариам (Микеладзе),
настоятельница монастыря Преображения Господня в старом Тбилиси

На скалистом берегу реки в самом центре Тбилиси возвышается небольшой монастырь. Сразу бросается в глаза изящный балкон, окружающий аскетичную каменную башню. С XIX века здесь-монастырь Преображения Господня, а прежде был дворец царицы Дареджан, построенный царем Картли-Кахети Ираклием II для своей супруги в конце XVIII века. Сочетание аскезы и утонченности просматривается во всем. Если попытаться найти подход к монастырю с другой стороны, сделать это будет не так легко – ведь он смиренно прячется среди густой зелени и уютных старых дворики. Все внутри наполнено тишиной и умиротворением, а с закругленного балкона открывается панорамный вид на шумный город.

Игуменья монастыря Мариам (Микеладзе) – представительница древнего княжеского рода, и в ее крови, видимо, есть некое врожденное знание о том, как совмещать красоту с простотой, равно как и уют с аскезой. Матушка вполне уверена в том, что делает, она основательна, и видно, что бремя правления ее не слишком тяготит. Игуменья

Мариам переводит на грузинский язык для сестер наиболее значимые современные русские духовные книги, в том числе и некоторые книги нашего издательства. Перед отъездом домой я еще раз посетил этот удивительный монастырь, побывал на литургии, причастился. Это было естественным продолжением нашей беседы, общение вышло более насыщенным, чем просто интервью или даже интересный рассказ о жизни. Многие слова игуменьи прозвучали ответами на мои внутренние вопросы. Ничего удивительного-монастырь Преображения. Гора. «Хорошо нам здесь быть...»

²⁸ «Gotta serve somebody» (англ.) – «Ты должен служить кому-то». Песня Боба Дилана.

Третьего пути нет

Я родилась в 1964 году. Помню, в детстве каждый вечер в программе «Время» появлялся Брежнев – ничего не менялось, и казалось, что так будет всю жизнь. А когда я пошла в школу, нам так много рассказывали о Ленине, что можно было подумать, будто это он создал грузинскую письменность и вообще все хорошее, что есть на этом свете.

Отец мой не был партийным, а дедушка, которого я особенно любила, в партии состоял – он был хорошим специалистом, занимал большую должность председателя Комитета по науке и технике, и членство в партии было для него необходимым условием.

Детство помнится мне как хорошее и светлое, обстановка в семье была мирной и доброжелательной, но все же мы жили двойными стандартами: в четвертом классе я носила пионерский галстук, потому что так было нужно, при этом я не верила в идеи коммунизма и, как только уроки заканчивались, сразу же его снимала. Всю фальшь этой ситуации я осознала, когда однажды получила строгое предупреждение за такой поступок. А когда я была в «Артеке», это чувство во мне усугубилось.

В моей семье о вере не говорили, при этом по-своему верила я всегда. Когда становилось страшно, я вспоминала о Боге и просила Его о помощи. А в четырнадцать лет я очень захотела принять крещение. Мы крестились вместе с сестрой, при этом мама моя тогда была еще некрещеной. Помню свою радость в связи с появлением собственного крестика. При этом я не знала, что крестик не снимают, надевала его на шею в сложные и ответственные моменты, и во мне воцарялась глубокая уверенность, что теперь все со мной будет хорошо.

Тбилисская улочка

Я выросла, и в свое время на меня произвели сильнейшее впечатление две вещи. Сначала диалоги Иешуа с Понтием Пилатом в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Тогда это было настоящим откровением, в котором не виделось ничего спорного. Значительно позже, когда я воцерковилась, решила перечитать эту книгу и не смогла, потому что не нашла в ней ничего близкого моему духовному состоянию. Но я все же благодарна Булгакову за то, что диалоги Иешуа с Пилатом в каком-то смысле сориентировали меня и направили к Евангелию.

Следующим впечатлением была песня Боба Дилана «Gotta serve somebody». Слова там приблизительно такие: ты можешь быть кем угодно, банкиром или дворником, но при этом ты будешь служить или Богу, или дьяволу, а третьего пути нет. Эта песня врезалась в мою жизнь, поставив вопрос: а я-то кому служу? Прекрасно помню и комнату, и обстановку, в

которой звучала эта песня. Но жизнь моя тогда еще не изменилась, зерно было брошено, и требовалось время для его произрастания.

Затем был Достоевский, правда, осилила лишь «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», но и это было чересчур тяжело. Достоевский так эмоционально действовал на мое сознание, что при чтении его произведений у меня в буквальном смысле поднималась температура.

Потом, без какой-либо трагедии или внешней причины, я постепенно стала разочаровываться во всем, что прежде меня привлекало. Например, стала замечать, что провожу время в интересных компаниях без энтузиазма, не могу больше с замиранием сердца собираться в гости и выдерживать шумные празднования. Просто все это стало абсолютно неинтересным.

После школы я поступила в Университет на биологический факультет. Там я подружилось с девушками, нас объединяли общие стремления, наша дружба началась буквально с самого момента знакомства. Близкой моей подругой стала Кетеван Махвиладзе, нынешняя игуменья Феодора²⁹. Мы много говорили о вере, а со временем вместе стали читать Евангелие с последующими обсуждениями прочитанного. Представляю сейчас, сколько мы глупостей тогда друг другу наговорили! Великий Пост решили тоже соблюдать вместе, но почему-то не задумывались о необходимости молиться дома и в храме и не знали, например, вообще о существовании литургии.

²⁹ Феодора (Махвиладзе) – игуменья старейшего в Грузии женского монастыря Бодбе (IV в.). Монастырь является одной из главных святынь Грузии, воздвигнут на месте упокоения святой равноапостольной Нины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.